

Олег Быстров

Диверсантка

16+

Олег Быстров
Диверсантка

«Автор»

2019

Быстров О. П.

Диверсантка / О. П. Быстров — «Автор», 2019

Книга о девочке, которую предали и обманули, лишив близких, а потом ещё раз обманули и искалечили, а потом предали окончательно, заставив служить злу. Но злые силы неласковы к своим созданиям и в конечном итоге неминуемо ведут их к самоуничтожению. И на каждую Волчицу найдётся свой Охотник...

© Быстров О. П., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

36

Олег Быстров
Диверсантка

Пролог. 1942 год, канун «Ржевской мясорубки»

Снежный и морозный декабрь сорок первого года перешёл в завьюженный, насквозь промороженный и занесённый снегом январь сорок второго. Немецкие солдаты, впервые столкнувшись с подобной стужей, пока что переносили превратности русской зимы стойко. Грела надежда на доблестный блицкриг и скорое окончание кампании. Но молниеносное наступление на Москву и захват советской столицы провалились. Война затягивалась и грозила перейти в длительное изматывающее противостояние, пожирающее технику и вооружения, горючее и провиант. Но, главное – людей. Ледяные просторы этой чёртовой России и так уже были усеяны тысячами могил германских солдат. Шайзе!

Однако враг был ещё силен, и до решающих сражений было ещё далеко. Полнились надеждами и планами головы германских генералов, «зольдатен унд официрен» с немецкой педантичностью выполняли «стоп-приказ» фюрера от 16 декабря, предписывающий держаться за каждую позицию, какой бы неблагоприятной ни была боевая обстановка.

Вот только и воинский дух красноармейцев несравненно возрос. После длительного осеннего отступления, которому, казалось, не будет конца, германская военная машина, отлаженная и закалённая боями в Европе, впервые дала сбой. Обломал фашист зубы под Москвой, не ступил его кованый сапог на святую землю столицы! Это чувствовали все – от командующих фронтами до последнего ездового. В морозном воздухе витал дух контр наступления. Солдаты и офицеры Красной Армии жаждали мощных ударов по врагу и полного разгрома немецких полчищ.

Такое настроение владело и рядовым войскам НКВД из группы охраны путей сообщения Иваном Потаповым. В ночь с третьего на четвёртое января он заступил на патрулирование участка железной дороги близ станции Каменка. После ожесточённых боев на рубеже Каменка – Наро-Фоминск противник был отброшен к Ржеву и Вязьме. Ставка планировала мощную наступательную операцию, ставившую целью разгром армий группы Центр. На этом настаивал Сталин, его поддерживали Жуков и другие военачальники.

Потапов знать планы Ставки, понятно, не мог, но постоянное движение воинских эшелонов в западном направлении, скопление на станции огромного количества войск, техники и боеприпасов говорили о многом. Красная Армия сжимала могучий кулак для удара по врагу. Да и командир роты на разводах не уставал повторять, мол, бойцы, будьте бдительны! Вам доверена охрана магистрали, которая, быть может, приведёт к окончанию войны. Потому мышь не должна проскочить рядом с эшелонами и поблизости от путей! Смотрите в оба, никого из посторонних не подпускать, за малейшую небрежность – расстрел!

Иван плотнее запахивал полушубок, топтал валенками хрусткий, сухой как песок январский снег. Морозы стояли знатные. Небо закрывали низкие тучи, падали редкие снежинки. Ранние и короткие сумерки быстро сменились чернильной мглой зимней ночи. Сейчас бы покурить, от махорки, глядишь, и теплее стало бы, но нельзя. По уставу не имеет он права на посту ни курить, ни разговаривать, ни принимать пищу. Можно только вглядываться в стылую темень до ломоты в глазах – не пропустить бы врага, диверсанта или какого другого вредителя.

По правилам часовые должны были стоять в пределах видимости друг друга. На станции этот порядок соблюдался, но здесь, в полосе отчуждения, людей расставляли гораздо реже. Только в дневное время и можно было разглядеть вдали фигуру такого же, как ты сам брата-часового. В темноте же, создавалось впечатление, что ты остался один на один со всем этим враждебным, полным опасностей миром. С этой насыпью за спиной, по которой то и дело грохочут эшелоны, с этими сугробами, где шаг в сторону, и провалишься по пояс в рыхлый снег. С этим тёмным зловещим перелеском на невысоком взгорке, начинающимся в десятке

метров от насыпи. Редкие отблески со станции не разгоняли темноту, а, казалось, делали тьму ещё непрогляднее.

Потапов крепче сжимал верную трёхлинейку.

Неожиданно у недалёких ёлочек обозначилось какое-то движение. Часовой напрягся – может ветер качнул ветки, или заяц какой шальной проскочил? Он до боли вглядывался в подозрительный участок, держа оружие наготове. Вот ещё движение, а затем детский плач, всхлипы. Что за невидаль? Ребёнок, да откуда он здесь?!

– Стой, кто идёт? – крикнул Потапов сурово. – Выходи ко мне с поднятыми руками, не то стреляю!

От деревьев отделилась махонькая тень, утопая в снегу, принялась спускаться с взгорка. По мере приближения, маленький серый комочек на фоне белого снега превращался в ребёнка, замотанного с головы до ног в тёплый платок. Потапов невольно опустил винтовку. Смешно, по-собачьи преодолевая сугроб, неожиданный гость подполз к часовому – девочка! Потёртая шубейка, платок повязан через голову на грудь, крест-накрест, валенки. На спине что-то вроде котомки. Из-под платка видны одни заплаканные глазищи.

Война застигла Ивана в тридцатилетнем возрасте. Он сам пошёл в военкомат, записался добровольцем. Так диктовала совесть рабочего человека – нельзя сидеть дома и ждать призыва, когда Родина в опасности. Его записали. Учитывая пролетарское происхождение и безупречную трудовую биографию, определили в войска НКВД, в подразделение охраны особо важных объектов.

– Вот и хорошо, – причитала жена. – Может, бог даст, хоть живым останешься. В охрану. Деток не осиротишь...

– Не мельтеши, мать, – строго обрывал её Иван. – Нужно будет, и на фронт пойду, под пули. И вообще, бог здесь ни при чём. Куда партия и товарищ Сталин поставят, там и буду воевать.

Но дети действительно были: шестилетняя Настюша и Колька девяти лет отроду. Потапов души в них не чаял, скучал по своим чадам до бессонницы, и сейчас, услышав детский плач, дрогнуло отцовское сердце. Показалось, девочка чем-то похожа на дочь.

– Ты откуда взялась, детка?

– Так беженцы мы, дядечка, – залопотала девчушка. – С мамкой до Хворостово добирались. А тут самолёты немецкие! Всех, кто шли, всех побил! Мне теперь в Каменку нужно, тётка там осталась... – из глаз ребёнка брызнули слёзы.

Потапов знал, за перелеском идёт дорога на деревушку Хворостово. А днём действительно вражеская авиация совершила налёт, но станцию усиленно охраняли зенитные батареи. Под плотным огнём пикировщики не прошли, сбросили бомбы, не долетев до цели, и ушли. И вот как оно вышло, легли те бомбы на колонну беженцев.

– Ах ты, беда какая! – покачал головой Иван. – Так ты, почитай, весь день в лесу пряталась?

– Ага, страшно ведь... – всхлипывала девочка. – И холодно. Но выйти было всё равно страшнее... Мне бы на ту сторону путей, дядечка, – взмолилась она, – тётка там осталась!..

– Нельзя через пути, милая. Охраняемая зона. Не я, так кто другой из часовых остановит, ещё пальнёт сгоряча. Ты вот что, потерпи чуть-чуть. Скоро разводящий обход проводить будет, посты проверять. Он тебя с собой заберёт. В караулке тепло, отогреешься. Ребята чаем тебя напоят, а там и решат, что с тобой делать... Ну что ты, маленькая? Что плачешь?..

Потапов нагнулся к девочке, видя, что она вновь залилась слезами. Захватил зубами рукавицу, сдёрнул, протянул шершавую ладонь человека, простоявшего многие годы у станка, к её лицу – утешить хотел, слёзы утереть...

Девчушка потянулась к нему вся: навстречу ласке и сочувствию, к надёжной взрослой руке, способной помочь ребёнку, поддержать в трудную минуту. Потянулась и вцепилась в

кисть токаря пятого разряда, привычную более к металлу и инструментам, чем к детской нежной коже. Крохотные пальчики легли в строго определённые точки и с недетской силой впились в ладонь бойца войск НКВД.

Потапов и понять ничего толком не успел, только вдруг стало трудно дышать. Морозный воздух встал колом в груди – ни вдохнуть, ни выдохнуть. Он попытался протолкнуть, выкашлять этот неожиданный, ненужный ком, но у него ничего не вышло. Ноги бессильно подогнулись, и на какой-то миг, оседая, Иван увидел глаза девочки очень близко – пустые и холодные, совсем не детские. И слёзы почему-то разом высохли, да ещё маленькая родинка была у неё под левым веком... Как он раньше не разглядел?..

Сердце Потапова совершило ещё один слабый толчок и остановилось. Мёртвое тело ничком рухнуло в сухой январский снег.

– Не, дядечка, – прошептала девочка, отпуская холодеющую руку, – не нужно мне в твою караулку. Нужно за пути, говорила ж тебе. Я ведь не виновата, что там лучшая точка приёма. А тут ты, со своей заботой. Так что уж прости, все там будем...

Бормоча себе под нос, она ловко вскарабкалась на насыпь, быстро огляделась и пересекла железнодорожное полотно. И скрылась в темноте за насыпью.

А через пять минут, все кто пребывал в это время на узловой станции Каменка, стали свидетелями небывалого, грандиозного и в то же время жуткого зрелища. Тучи над станцией неожиданно посветлели, налились каким-то нереальным фиолетово-багровым светом. Свечение на глазах разгоралось, тучи тяжелели и набухали, будто вынашивали во чреве своём какой-то гигантский зловещий плод. А следом разразились яростным потоком ослепительного пламени.

Снег мгновенно превращался в пар, дерево – в головешки. Температура была столь высока, что с орудийных стволов капал расплавленный металл. Тут же началась детонация боеприпасов, взрывались цистерны с горючим, рвались перегретые котлы паровозов. Что уж говорить о людях, от них оставался лишь прах. В несколько коротких мгновений оживлённая, работающая в напряжённом ритме и полная движения, словно отлаженный механизм, узловая станция превратилась в озеро бурлящего огня и дыма.

Свидетелей страшного огневого удара осталось не так уж и много – только те, кому повезло оказаться вне зоны поражения. И говорили они впоследствии, что небо после короткого буйства пламени сразу потухло. Исчезло, будто его выключили, странное свечение. Вновь в вышине клубились обычные хмурые тучи. Лишь на пожарище пролился – словно летом – короткий и сильный ливень, столь неожиданный в морозном январе. Но и он скоро прекратился, с неба вновь посыпались редкие снежинки.

На останках станции силами гарнизона Каменки начались спасательные работы. Старшина войск НКВД собрал оставшихся в живых часовых, с тем, чтобы и их бросить на тушение пожара. Бойцов, стоявших в боевом охранении эшелонов, и от которых остались лишь обугленные тела, переписали поимённо. Тут-то и выяснилось, что не хватает рядового Потапова, поставленного на пост в зоне отчуждения, не доезжая станции. Несмотря на сложную обстановку, немедленно были предприняты поиски пропавшего бойца. Труп его обнаружили под насыпью, там, где находился пост. Тело увезли в гарнизон, а старшина доложил о происшествии прибывшему лейтенанту Особого отдела НКВД Орлову.

Лейтенант ёжился, но не от январской стужи, а от нервного напряжения. Он успел поговорить с рабочими депо, не попавшего в зону удара. Услышанное не на шутку озадачило и насторожило. Получалось, что не было ни авианалёта, ни артобстрела, а имела место диверсия. Ничем другим ужасное разрушение станции и пожар объяснить было невозможно. Но каким образом фашисты её провели? Или у врага появилась новая, невиданной силы взрывчатка? Тогда почему все свидетели в один голос утверждают, что огонь «пролился с неба»? А тут ещё

непонятно как образовавшийся труп бойца охраны, удалённый от зоны пожара на значительное расстояние. И без видимых повреждений. На действия диверсионной группы это не походило.

Орлов сделал пометку в блокноте. Там были исписаны уже многие странички, но о девочке с родинкой под левым глазом пока ничего не было...

1. 1932 год, Германия

Начало осени выдалось безветренным и солнечным. Дожди, что прольются на тротуары Берлина, ещё впереди, а пока липы на знаменитом бульваре Унтер-ден-Линден тихо роняют широкие жёлтые листья под ноги прохожим. По дорогам деловито снуют надёжные немецкие автомобили, по поездкам подземки можно сверять часы. Торопятся на службу пунктуальные берлинцы – в конторы и банки, на фабрики и в мастерские, в магазины и лавки. Город живёт обычной мирной жизнью. Пока.

Но уже звучат в речах на партийных митингах, укоренились в умах и мелькают на страницах газет такие понятия, как «национал-социализм», «Версальский позор» и «фюрер немецкой нации». До января 1933 года, когда президент Гинденбург назначит рейхсканцлером Адольфа Гитлера, остаётся лишь три месяца, но уже прозвучал доклад фюрера о программе фашистской партии на собрании финансистов и промышленников в Дюссельдорфе. Уже принят августовский декрет о введении чрезвычайных судов и смертной казни за участие в вооружённых столкновениях с фашистами. И скоро, уже очень скоро, в ноябре, крупнейшие промышленники и банкиры потребуют передачи Гитлеру всей полноты власти.

Теперь любая политическая или общественная сила в Германии уже не могла не считаться с набирающими силу и власть национал-социалистами. А белоэмигрантская группа «За Веру и Отечество» считала себя организацией с далеко идущими планами.

Двое господ зашли скоротать время в одном из сотен маленьких заведений, именуемых здесь гаштетами. Повесили лёгкие плащи и шляпы на вешалку, присели за столик. Официант, откликавшийся на зов «герр оберст», вмиг принёс по кружке тёмного баварского.

Один из пришедших – сухощавый, в элегантном костюме, с невыразительным лицом, на котором бросались в глаза лишь усики, подстриженные в стиле «а-ля Адольф Гитлер». Другой – одутловатый, изрядно оплывший, с лицом кирпичного цвета и лихим курчавым чубом, зачёсанным налево. Котелок, чудом державшийся на макушке, лишь подчёркивал странную причёску, уместную где-нибудь на казачьем сходе на Дону, но никак не в столице Германии. Впрочем, котелок в помещении посетитель снял. Лишь только пиво оказалась на столе, он с жадностью припал к кружке, втягивая густую жидкость вместе с пеной.

– Любовь к алкоголю не доведёт вас до добра, Павел Александрович, – проговорил сухощавый, поглядывая с плохо скрываемым презрением, как мощно ходит кадык на бычьей шее визави. Сам он к кружке едва притронулся. – Берёте пример с наших немецких коллег, предпочитающих проводить партийные собрания в пивных?

– Ничего плохого в этом не вижу, Всеволод Петрович, – хмыкнул «казак», обдав собеседника густым сивушным духом. – Пиво тут превосходное. Недаром же наци свой провалившийся путч связали с этим прекрасным напитком! – И рассмеялся уже в голос, толстые щёки закрыли маленькие глазки, которые так и хотелось назвать пороссячьими.

– Ну, это когда было, – сделал лёгкое отметающее движение рукой Всеволод Петрович. – Теперь-то всем предельно ясно, кто заказывает музыку. Пока нацисты наводят порядок в собственном доме, но придёт время, они замахнутся на большее. И нам нельзя пропустить этого момента. Я от верных людей знаю, что со Штрассером и Ремом у Гитлера конфликты и разногласия. Эти фигуры не имеют перспективы. Вот Рудольф Гесс, напротив, набирает силу. Бли-

зок к фюреру как никто другой, учился у Хаусхофера¹, да и сейчас дружит с профессором. Этот высоколобый оказывает на Гитлера значительное влияние. Вот с такой компанией нам по пути.

– С такой компанией? – тупо повторил Павел Александрович и звучно икнул. – Но нацисты хороводятся с Советами! В гости друг к дружке ездят, договариваются!..

Всеволод Петрович Погоржельский поморщился. Гражданскую войну он окончил в контрразведке Врангеля в чине капитана. Бежал с бароном из Крыма в памятном двадцатом году, но добывать информацию и делать выводы не разучился по сей день. Сейчас Погоржельский числился председателем организации «За Веру и Отечество», обосновавшейся в Берлине, и внимательно следил за политическими играми и раскладами. Как и многие другие эмигранты, ненавидевшие большевиков, он давно понял, что изнутри государство рабочих и крестьян не взорвать. Можно лишь въехать в Россию на плечах более сильного игрока, – через войну, через интервенцию, – а потом можно попытаться восстановить собственную власть, будь то хоть монархия, хоть парламентская республика. И Всеволод Петрович активно искал такую силу, игрока, готового биться с коммунистами не на жизнь, а на смерть.

– Они не дружат с Советами, а заигрывают. Ссориться одновременно с Европой на западе и со Сталиным на востоке им не с руки. Но договоры, обмен делегациями, всё прочее, это до времени. Из кругов, близких к Гессу мне стало достоверно известно – бродят в германских головешках идеи о мировом господстве. Тот же Хаусхофер преподносит свою геополитическую теорию расширения жизненного пространства как леденец на палочке – нате, кушайте-с. Смотрят их глазки завидующие на Восток, где этого пространства полно. Так что, как только Адольф разберётся с внутренними проблемами, начнётся экспансия. Попомните моё слово, майн герр.

Павел Александрович Столобов, бывший казачий подъесаул, икнул ещё раз. Да сытая, спокойная жизнь в изнеженной Европе ослабила его тело, но не притупила ненависти к коммунизму. Чудесное баварское пиво легло лишними килограммами на животе, талии и бёдрах, но не смыло крови русских людей, в которой по локоть были его руки. Руки, привычные держать саблю. Личина простака и пьянчужки устраивала Столобова, но мозги продолжали работать, а в седло он готов был хоть сейчас, лишь бы за правое дело – бить большевиков.

Всё это отлично рассмотрел в своё время Погоржельский и потому терпел плебейские манеры Столобова, даже иногда слегка подыгрывая ему. Знал, в нужный момент этот человек не подведёт, и держал его подле себя, представляя при случае первым своим помощником.

– Ясно, – тряхнул чубом подъесаул (ну как было избавиться от такой красоты, пусть ты и живёшь давно в просвещённых Европах!). – Наши действия?

– Продолжаем в том же духе – сближаемся с нацистами, поддерживаем во всём их идеи. Дружим, заводим связи. Пока они кичатся своим будто бы арийским происхождением и на нас смотрят свысока, но настанет час, и им понадобятся союзники. Помощники понадобятся, потому что грызться с Россией ещё Бисмарк не советовал. Только никто тех рекомендаций не вспомнит, а когда придёт время, мы окажемся ко двору. Вот только...

Столобов шумно хлебнул из кружки и вопросительно уставился на патрона.

– Меня беспокоит Соболев, – закончил свою мысль Погоржельский. – Отмахнуться от него никак нельзя: родство, как ни крути, германское, связи, жена в партии. А популярность среди наших так просто сумасшедшая. Прямо знамя борьбы с большевизмом, честное слово! Да и с англичанами дружит, сволочь, а их тоже со счетов пока сбрасывать не стоит. Если элементарно перебить с ним горшки, отлучить от организации, много неприятностей доставить может. Но и его антинацистские высказывания вызывают неудовольствие в определённых кругах. Тех самых, где вращается Гесс и другие нужные нам люди. Мне уже намекнули – уймите, мол, своего офицера.

¹ Карл Хаусхофер – немецкий географ и социолог, основоположник германской школы геополитики.

– Уймёшь его, пожалуй, как же! – перешёл на совершенно трезвый, серьёзный тон Столовов. – Мы ж с тобой Соболева ещё по Крыму помним, по Турции. Не человек – камень. Или упрямый осёл, это как посмотреть. Но если что решил, ведь не сдвинешь же!..

– А нужно, Павел, сдвинуть, – зло проговорил председатель. – Иначе он нам всю обедню испортит.

– Про популярность, это ты, Всеволод Петрович, правильно сказал, – откликнулся поддесаул. – Многие его помнят, знают как честного офицера. И если договориться с Соболевым не удастся – а так оно, боюсь, и случится – то можно сделать из него мученика.

– Верно мыслишь, Павел. Если в жизни человек нам мешает, то пусть его смерть послужит общему делу. У тебя есть кто на примете?

– Есть один – Гавриил Анохин. Вот так, извольте – не Гаврила, ни тем более Гавря какой-нибудь, а Гавриил. Дрянь человечиска, пузырь мыльный. Но величает себя анархистом, последователем самого князя Петра Кропоткина. А нам ничего не мешает представить его агентом Коминтерна. Гавриил этот попал на крючок берлинской криминальной полиции, и так уж получилось, что я могу его с крючка этого снять. В обмен на услугу.

– Хороший вариант, – согласился председатель. – Но операцию нужно провести тонко, чтобы ни малейшее подозрение нас не коснулось. Всё продумай, подготовь и приступай. Не подведёшь?

– Обижаете, ваше ско-родие! – разулыбался Столовов, и толстые щёки скрыли поросячие глазки. – Комар носа не подточит!

– Вот и славно. – Погоржельский погладил щёточку усов, в точности таких же, как у фюрера немецкого народа, и потянулся к пиву.

Через три дня после разговора в пивной на тихой окраинной улочке Берлина, Артемий Константинович Соболев сидел в редакционном кабинете газеты «Цайт». Газета старалась считать себя нейтральной, претендовала на объективное освещение новостей в мире, хотя в нынешней Германии делать это становилось труднее день ото дня. Большинство изданий уже приняли фашистский толк, не говоря уже об одиозной «Фёлькишер Беобахтер». Однако «Цайт» пока удавалось держаться на зыбкой грани, отделяющей официальное мнение от собственного, а независимые репортажи от заказных. Пока удавалось.

Назвать кабинетом комнату, выделенную Соболеву, было, пожалуй, слишком смело. Так, крошечная комнатка два на два метра с единственным оконцем под потолком. Помещался здесь лишь стол с пишущей машинкой и стеллаж, заваленный кипами бумаг. Да на стене часы с кукушкой, по случаю купленные в лавке старьевщика. Часы русского мастера, напоминающие о России. Стрелки показывали шесть вечера.

Статья застряла на середине. Мысли путались в голове, наплывали воспоминания. Россия, Родина – всё это были для Соболева не пустые слова. В двадцатом году, когда красные грозили опрокинуть порядком потрёпанные и поредевшие части барона Врангеля в Чёрное море, ему удалось покинуть Крым. Покинуть вместе с женой Машей. Артемий прикрыл глаза и вновь увидел как наяву – прапорщик, распяливший рот в крике: «Не положено, ваше ско-родие! Проход только для офицеров!» – «Я и есть офицер, болван, а это – моя жена! Пропустите!» – «Не положено!..»

А следом ствол нагана, упертый в тощую шею, прямо под подбородком, над несвежим подворотничком: «Или ты нас пропустишь, или и сам останешься тут навсегда!..»

Маша, Машенька. Мария Франциевна, урождённая Вольф. Жена, единственная в жизни любимая женщина. Им тогда удалось вырваться из Крыма, где земля горела под ногами, но и в Турции оказалось не лучше. Лагерь под Константинополем, грязные бараки, вонь, вши, нищета. Турки, сами принижаемые англичанами, отыгрывались на русских. «Эй, урус ишак, пшёл!» – вот и всё гостеприимство.

Маша предлагала перебраться в Германию, говорила, там осталась какая-то родня по отцовской линии. Даже умудрилась послать письмо неведомым германским родичам, которые в ответ обещали помочь устроиться. Но он отказывался уезжать. Знаменитое Соболевское упорство! Или упрямство? Просто он тогда верил ещё, что из потрёпанных войной, униженных людей, собранных под Константинополем и Галлиполи, в Чаталдже и на Лемносе можно собрать, спаять, возродить святое русское воинство. И вернуть Родину, ту, которую украли у него большевики!

Вера эта помогала жить и переносить невзгоды.

Но чем дальше, тем яснее становилось, что боевой дух и организованность, ещё недавно свойственные русским солдатам и офицерам, тают. Растворяются во влажном, жарком турецком воздухе, уходят как вода сквозь песок на пляже в Средиземноморье. Бывшие союзники, страны Антанты, также не стремились к образованию новой военной силы, не помогали, а мешали сплочению. Русские их вполне устраивали в роли эмигрантов. Скоро он понял: сломленные, опустившиеся, разуверившиеся люди не станут больше солдатами.

Тут Маша заболела туберкулёзом. Сказались скотские условия жизни и постоянное недоедание. Тогда Соболев решился, они уехали в Германию.

Артемию Константинович достал трубку. Английскую, от знаменитого мастера Альфреда Данхилла, и к ней табак: классическую английскую смесь с добавлением латакии и турецких табаков. Подарок Майкла Мак-Грегора, английского атташе с шотландской фамилией. Соболев невольно усмехнулся – на самом деле, обычного шпиона. Одного из многих, что крутятся сейчас в Берлине. Тут не только британцы, но и французы, поляки, ещё чёрты кто. Те же турки, например. И со всеми он дружен. Статус специального корреспондента независимой газеты это позволяет. Пока позволяет.

Что ж, подружился и с Мак-Грегором, полезное знакомство. Нет хода только к русским дипломатам. Ах, пардон – советским. Соотечественники с ним знаться не желают.

Соболев принялся разминать табак, не спеша набивать трубку. Это успокаивало, помогало сосредоточиться, но вновь наплывали воспоминания – ненужные, отравляющие душу, бередящие старые раны. В Германии их действительно приняли достойно. Помогли обустроиться, нашли для Маши хороших врачей, и болезнь вроде отступила. Жена чувствовала себя настолько хорошо, что в двадцать четвёртом родилась Катенька. Любимая и единственная доченька, кровиночка.

Артемию Константинович невольно поглядел на стеллаж, где с краю примостился забавный плюшевый медвежонок. У Катюши сегодня день рождения, ей исполнилось восемь лет. Большая уже. Вот сейчас он соберётся с силами, добьёт статью и пойдёт её поздравлять. Терезы наверняка нет дома, пропадает где-нибудь на очередном собрании, зато фрау Гросс наверняка испекла свой знаменитый штрудель. Жаль Маша не дожидала до этого дня...

Мария сгорела через год. Внезапное ухудшение, знаменитый берлинский профессор, беспомощно разводивший руками: «Лёгочное кровотечение, герр Зобель. Поверьте, мы сделали, что могли». Артемий Зобель, так записали его в немецкой метрике. А Маши не стало, и жизнь грозила превратиться в холодную, бесплодную пустыню, грязно-серую портянку, накрывшую всё вокруг. Если бы не Катюша: единственная радость, свет в окошке.

А скоро появились Погоржельский со Столбовым. Он помнил их по Крыму и совместному бегству в Турцию (отступлением назвать это язык не поворачивался). Организация «За Веру и Отечество», возрождение традиций, консолидация всех антибольшевистских сил. Мы поднимем новое знамя! Идея его увлекла. К тому же, бурная деятельность, которую развили бывшие однополчане, помогала отвлечься от личных проблем.

Функционеру новой патриотической организации полагалось денежное пособие, и немалое. Все финансовые вопросы отпали разом. Где уж Погоржельский находил фонды, бог весть, но такое положение Соболева устраивало. Позднее он же устроил Артемию Константиновича

в газету спецкором. Это давало широкий простор для контактов с самыми разными людьми, позволяло изучать все сферы и слои немецкого общества. Встречаться с иностранцами, налаживать связи, заводить полезные знакомства. Мощное белоэмигрантское движение существовало в Париже, Соболев наладил с ними постоянное взаимодействие. Объявились монархисты в Берне, Соболев отправился в Швейцарию. И так дальше, и дальше – больше.

За маленькой Катюшей смотреть стало совершенно некогда. Вначале выручала экономка фрау Гросс, но вскоре Соболев понял, что ребёнку нужна мать. Или хотя бы кто-то, пригодный на эту роль. Да и ему ещё нет пятидесяти, природа требует своего. Нельзя жить одной лишь памятью. Так появилась в его жизни Тереза Вюрст, скромная, симпатичная женщина тридцати лет, смотревшая на него с немим обожанием и готовая, казалось, выполнить любую его прихоть. Даже невысказанную.

Женщина всё чаще стала появляться в домике на Ландсбергер Аллее, 41. К Катюше она относилась хорошо, во всяком случае, Соболеву казалось, что находит с ребёнком общий язык. Катке шёл третий год, мать она помнила смутно, лишь иногда задавала детские вопросы типа: «А Тереза моя мама? А если нет, то где мама?» Артемий кое-как выкручивался, находил какие-то ответы, и ребёнок успокаивался. Тереза работала сборщицей на часовой фабрике, а всё свободное время отдавала ему и его дочери. Настал день, и Соболев решился. В ближайшей кирхе лютеранский пастор соединил души Артемия и Терезы на небе, а руки на земле. Соболев, давно в душе атеист, легко согласился провести обряд по протестантскому обычаю. В кирху он не собирался ходить точно так же, как раньше манкировал посещениями православной церкви.

Казалось, жизнь налаживается. Пока в семейную идиллию и деловую сферу Артемия Соболева не вторгся фашизм.

Он раскурил трубку. Пряно-сладковатый вкус латакии чуть пощипывал язык, клубы крепкого табачного дыма поплыли по кабинету, устремляясь к окну. За окном было уже совсем темно.

Это произошло в позапрошлом году. Погоржельский на встрече в узком кругу наиболее влиятельных членов организации объявил о новом направлении деятельности – союз с национал-социалистами. Одновременно и неожиданно Тереза вступила в ряды НСДАП. Теперь она частенько пропадала на партийных митингах и собраниях, а дома всё чаще заводила разговор о величии германской нации, о том унижении, которое принёс немцам Версальский мирный договор, и что её Родина достойна лучшей участи. В то же время, в организации от Соболева требовали заводить тесную дружбу с нацистами всех рангов, а то и самому подумать о членстве в национал-социалистической партии Германии.

И это ничего, Артемий Константинович, что в названии звучат слова «социалистическая» и «рабочая». Это всего лишь слова, не более! А устремления у нацистов самые что ни на есть выгодные нашему общему делу. А у вас и жена в партии, да и самого называют герр Зобель. Да не просто так, а по паспорту. Подумайте, выше высокоблагородие, хорошенько подумайте!

Он принялся внимательно разбираться в вопросе, и скоро понял, что коричневые ничуть не лучше красных. А быть может, ещё и хуже. Если коммунисты основываются на классовой борьбе, разделив мир на богатых и бедных, угнетателей и угнетённых, то фашисты и вовсе делят людей на расу господ и унтерменшей, недочеловеков, не имеющих права на существование. Или способных, в лучшем случае, лишь на рабский, подневольный труд. Под присмотром, естественно, тех самых господ. Есть доктор Геббельс, доктор Дарре, да и многие другие учёные, на полном серьёзе рассматривающие антропометрические особенности арийской расы. Что же будет, если дать им волю?

Надежды Погоржельского вернуть прежнюю Россию через немецкую интервенцию казались Соболеву наивными и утопическими. Кабы самим под ярмом не оказаться, педантичным таким, продуманным и тщательно простроенным немецким ярмом. Тут и коммунисты покажутся не таким уж злом. Нельзя связываться с фашистами! – он так и заявил на очередном

собрании. И понял, что нажил себе врагов в лице остальных руководителей. Те давно уже сделали выбор, и поворачивать не собирались. Но и Соболев не привык идти на попятную. Если решил, что так правильно, будет держаться за свою правду зубами. Ничего, мы ещё повоюем!..

Хуже обстояли дела дома. Тереза постоянно, не мытьём так катаньем, старалась приобщить мужа к непреходящим ценностям немецкого национал-социализма. Разговоры её всё более стали походить на лозунги, звучащие на партийных митингах, и истеричные речи лидеров движения, транслируемые по радио.

– Дорогая, но я ведь даже не отношусь к немецкой нации, – пытался урезонить супругу Соболев.

– Это ничего не значит, – возражала Тереза. – Истинные арийцы встречаются и в других расах. Крайне редко, правда, но встречаются. Это доказали наши антропологи. А если хорошенько покопаться в твоей родословной, то как знать, может и сыщутся германские корни...

Соболев категорически не желал позволять кому-либо копать в своей родословной. Тем более в поисках немецких корней. Он русский человек, и этим горд! Как там говорил Суворов? «Я – русский, какой восторг!» Вроде бы так...

Занятый своими мыслями, Артемий Константинович сделал слишком глубокую затяжку крепким английским табаком и закашлялся. Отложил трубку и бойко отстучал окончание статьи. Просмотрел. Да-с, получилось нечто совсем уж антигитлеровское. Такое даже редактор Краузе, игравший в широту взглядов, пожалуй, что и не примет. Ну и чёрт с ними – с редактором, со статьёй, фашистами и антифашистами! Всё – завтра. А сейчас он пойдёт праздновать день рождения Катеньки.

Соболев оставил недокуренную, потухшую трубку на подставке, и едва законченную статью в каретке «Ремингтона». Накинул плащ, бережно уложил за полу подарочного медвежонка. Лёгкой походкой спустился на первый этаж, учтиво попрощавшись с привратником. И то, время уже позднее, все сотрудники давно разошлись по домам. Нехорошо задерживать старого Михаэля. Однако всё это ничуть не испортило ему настроения. Дома его ждала дочурка-именинница...

По пути домой его ждал убийца.

От редакции до дома сорок один по Ландсбергер Аллее можно было пройти по широкой и хорошо освещённой Ам Тирпарк, но такой путь был длиннее. А Соболев торопился к дочери, потому выбрал более прямую и короткую дорогу по узким и тёмным улочкам, примыкающим к знаменитому берлинскому парку. Другой, быть может, прежде подумал, об улочках ходила дурная слава. Поговаривали, в ночное время там орудовали налётчики. Но Соболев был русским офицером, Георгиевским кавалером ещё со времён Первой мировой. Слухам он не верил и ничего не боялся. Потому без сомнений углубился в хитросплетение улиц и переулков с редкими фонарями.

На его пути, не заметный в тёмном пространстве между домами, стоял человек.

Соболев прошёл совсем рядом, не почувствовав затаившейся в тени опасности. Человек бесшумно выступил из своего укрытия, до затылка жертвы было всего каких-то пара метров. Промахнуться невозможно.

Первая пуля вошла Артемию Соболеву под основание черепа и убила его мгновенно. Вторая впиалась в плечо, в уже мёртвую плоть. Она была лишней.

Откатился к сточной канаве забавный плюшевый медвежонок.

Катя ждала папу до позднего вечера. Но вот уже большие часы в гостиной пробили десять раз, она считала, а его всё нет. Кате стало страшно и тоскливо, так страшно, и так тоскливо, как не было ещё никогда в её короткой восьмилетней жизни. Она спряталась на диване в детской, прижала к груди любимую куклу. Нет, она дождётся папочку, пусть он придёт даже и под утро!

Ходила из комнаты в комнату фрау Гросс, тяжело вздыхала. Тоже волнуется, поняла Катя. Терезы не было, она вообще в последнее время редко бывала дома. Одиноко стоял на праздничном столе штрудель в окружении сверкающих приборов.

– Ты бы ложилась, милая, – подошла фрау.

– А папа?! – воскликнула Катя. – Он же обещал! Он говорил, что подарок принесёт!.. Да хоть бы и без подарка – лишь бы пришёл...

– Ты же знаешь, девочка, твой папа важный человек в серьёзной организации, – принялась утешать фрау Гросс. – У них могло случиться собрание, или ещё какие-то неотложные дела. Я уверена, завтра утром он тебя обязательно поздравит. Ложись.

Она, как и Тереза, говорила с девочкой по-немецки, в то время как Соболев всегда разговаривал с дочерью по-русски. Поэтому Катя одинаково легко владела обоими языками. Но сейчас это не имело значения.

– Но как же так?! – На глазах Катерины навернулись слёзы, дрогнула маленькая трогательная родинка под левым глазом. – Он же обещал...

Девочка уснула на диване, обняв любимую куклу, подаренную папой на прошлый день рождения. Фрау Гросс не осмелилась её побеспокоить, чтобы перенести на кровать. У самой на сердце лежал тяжёлый камень. Никогда ещё не случалось, чтобы герр Зобель не пришёл ночевать. И даже не позвонил. Плохие предчувствия одолевали пожилую немку.

А утром появилась Тереза, фрау Зобель. На застывшем лице как-то особенно тревожно смотрелись сухие, с неестественным блеском глаза. Катя встрепелась, потянулась к мачехе. Отношение её к Терезе было разным. Когда-то немка пугала девочку. Мать она почти не помнила, но понимала, что эта тётя – чужая. Однако Тереза была всегда ласкова, вела себя ровно и доброжелательно, никогда не бранилась. Катя стала привыкать. А в последнее время Тереза изменилась. Платья свободного покроя сменил строгий костюм, больше походивший на мундир. Волосы, раньше вольно ниспадающие на плечи, теперь всегда были собраны на затылке в тугой узел. На груди удивительный значок, а в голосе металл.

Как-то Кате попались на глаза картинки с Валькириями. Воинственные девы скакали по небу на крылатых конях и в крылатых шлемах. Сияли доспехи, горели огнём мечи в руках, горели и глаза воительниц, а из-под шлемов текли лавой светлые кудри! Правда, внешне они не слишком походили на Терезу, зато сбоку от изображений имелись точно такие же символы, как и на значке мачехи. То, что этот изломленный крестик называется свастикой, ей рассказал папа. Он объяснил, что знак этот – древний символ добра и света, но изменённый людьми. Что-то было там связано с движением то ли по ходу солнца, то ли против. Маленькая Катя толком не поняла, но сам знак ей понравился. Нравилась и чёрная свастика в белом круге на красном фоне – символ силы, мужества и несокрушимости немецкого духа. Так объясняла Тереза.

И вообще, помимо внешнего сходства существует ещё и сходство внутреннее. Это Катя понимала. Фрау Гросс, например, никак невозможно было сравнивать с Валькириями. И не только из-за возраста и фигуры. Многих других виденных женщин, более молодых, стройных и красивых, тоже нельзя. Чего-то не хватало, хотя девочка и не могла толком объяснить – чего. Но вот эту новую Терезу, ту, что носит костюм, более похожий на военный мундир, и значок со свастикой на груди – можно.

Дочь офицера, Катя с раннего детства научилась различать: кто есть военный, и кто есть не военный.

И сейчас она потянулась к этой сильной, волевой женщине, своей Валькирии. Потому что папы рядом не было, и детской своей душой Катя отчётливо понимала – стряслась беда. Страшная беда, страшней которой не может быть ничего!

Детские глаза спрашивали и молили.

Но фрау Зобель ответила взглядом холодным и строгим.

– Ты уже большая, Катрин, – сказала она скрипучим, чужим каким-то голосом. Тереза всегда называла её на немецкий манер, но таким голосом никогда ещё не разговаривала. – Ты должна быть мужественной и сильной. Весь наш народ терпит унижение и стойко переносит лишения. Будь достойна миссии великой Германии, будь достойна памяти своего отца. Да, его больше нет с нами.

– О, Господи! – выдохнула фрау Гросс и тяжело опустилась на тахту.

– Все утренние газеты пестрят этим, – резко обернулась к ней Тереза. – Тело Артемия нашли на улице, неподалёку от Тирпарка. Он застрелен. Убийца уже схвачен, это русский, некто Анохин. Анархист-революционер, а это почти то же, что большевик. Наймит Коминтерна. – И вновь резкий поворот в сторону Кати: – Твоего отца убили люди, с которыми он боролся всю свою жизнь. Убили подло, в спину, потому что в открытом бою были бы повержены и уничтожены! – Голос Терезы звенел. – Помни это, девочка. Ты вырастишь, станешь взрослой и отомстишь за него! И сделать это можно только вместе с Великой Германией, великой нацией, взявшей на себя грандиозную миссию – навести порядок в этом несовершенном мире! Мы восстановим справедливость, расставим народы по местам, ниспосланным свыше, построим новое общество. И пусть каждый получит своё!

Катерину душили слёзы. Маленькое сердечко, казалось, вот-вот разорвётся в груди, но где-то на дне сознания вызревала мысль, почти крик – да! она отомстит за отца! Валькирия права, враги получают по заслугам многократно. Только бы вырасти, стать большой и взять в руки меч!

А Тереза вдруг нагнулась, заглянула в глаза и сказала почти человеческим голосом:

– На, возьми. Его нашли рядом с телом отца. Наверное, он нёс тебе в подарок...

И протянула смешного плюшевого медвежонка. Правое ушко его было слегка испачкано придорожной грязью.

Похороны Катерина почти не запомнила. Всё было как в тумане: приходили какие-то люди, говорили слова, смысл которых до неё не доходил. Впрочем, все речи были обращены к Терезе, а Катю лишь изредка трогали за щеку или плечо. И она была благодарна этим незнакомым людям за то, что её ни о чём не спрашивают, не ждут ответов, не беспокоят. Дают проститься с папой. Спасибо вам, люди добрые, всплыли вдруг в памяти слова отца. Так он порой говорил...

А сейчас лежит в гробу строгий и недостижимый. Руки скрещены на груди по здешним обычаям. Пастор бубнит молитву. Папа, папочка! Как же я теперь?! Без тебя?..

Через день после похорон Тереза сказала:

– Собирайся, мы уезжаем. Много вещей не бери, там, куда мы едем, есть всё необходимое.

– А куда едем? – спросила Катя.

– Я решила отдать тебя в школу. Очень хорошую школу для девочек, для особенных девочек. Это не здесь, но там обеспечат тебе отличные условия и научат многим полезным вещам. А я буду наезжать, проводывать тебя. Так будет лучше для всех. Пойми, Катрин, я не могу постоянно оставаться рядом. Партийные дела требуют всего моего времени и всех сил без остатка! И потом, – голос её стал строже, – ты ведь не отказалась от мысли отомстить за смерть отца?

Катя только покрутила головой. Отказаться от такого?! Да пусть лучше она умрёт!

– Ну вот, в этом тебе помогут тоже. В общем, собирайся. Отъезд через два часа. – И неожиданно добавила совсем другим тоном: – Ты даже не представляешь, дорогая, какая это возможность! Другой такой не будет...

С собой Катерина взяла кофточку, что связала для неё фрау Гросс, и плюшевого мишку. Того, которого нёс папа в день её рождения. А больше ничего. В закрытую школу в предгорьях Гарца прибыла уже не Екатерина Соболева, а Катрин Зобель. Так её впредь все и называли...

2. 1932 год. Гарцкий горный массив, Германия

Дорога оказалась утомительной. Вначале они сели на поезд, ехавший до Магдебурга. Состав делал массу остановок, и в пункт назначения Катрин с Терезой прибыли только ночью. Там сделали пересадку и добрались до Брауншвайга. Поспать толком не удалось, и Катрин откровенно клевала носом, когда пришлось сойти в маленьком городке, названия которого она не запомнила.

В конце концов, после ночи, показавшейся бесконечной, ранним утром прибыли в Бад Харцбург. Спать хотелось неимоверно. Катрин думала, что путешествие окончено, но не тут-то было. На вокзале их встретил мужчина, на лацкане пиджака блестел такой же как у Терезы значок со свастикой. Пиджаки, вообще-то, носил папа, как выглядит эта деталь мужского туалета Катрин знала, а на мужчине был надет френч. Но маленькой Катрин сейчас было не до таких тонкостей. Только заметила, что не только значок, но и взгляд у мужчины такой же, как у Валькирии. Военных от не военных она отличала влёт.

– Фрау Зобель? – учтиво спросил встречающий. – Прошу в машину.

Большой чёрный автомобиль принял путешественниц в свой салон, пропахший табаком и дорогой кожей. И ещё чуть-чуть бензином, что особенно понравилось девочке. Сидения были такими мягкими, а машина тронулась столь плавно, урча мощным мотором, что Катрин почти сразу сморило. Она спала на заднем сидении, ей снилось море. Она никогда не бывала на побережье, но не раз разглядывала океан на картинках. Этого было достаточно, чтобы увидеть себя во сне плывущей на гигантском лайнере, уходящем, величественно покачиваясь, в неведомую голубую даль. Дым валил из труб где-то высоко-высоко, почти под небесами. За кормой бурлила прозрачная вода, взбитая лопастями винтов, и расходились по морю шикарные «усы», как называют след на воде моряки. Над бортом, призывно крича, проносились чайки, а на капитанском мостике стоял папа. В фуражке с «крабом», в белом кителе и со своей любимой трубкой в руке. Он улыбался: «Всё будет хорошо, дочка!...»

Дорога петляла между пологих склонов предгорий, покрытых пихтовыми и буковыми лесами. Амортизировал на мягких рессорах чёрный, блестящий лаком автомобиль «Майбах», чуть кренился на крутых поворотах, взрыкивая двигателем. Мужчина во френче и с нацистским значком на груди держал руль крепкими руками. Молчала Тереза, вглядываясь в приближающиеся очертания Гарцких хребтов, будто хотела разглядеть на их вершинах будущее своё и падчерицы. Шляпка её слегка покачивалась, когда колесо попадало в неровность на дороге.

На кожаном сидении спала девочка, не ведающая своей будущей судьбы.

Они проехали берегом водохранилища Экер, солнечные лучи преломлялись в мелкой волне, высверкивая неожиданными цветами спектра – оранжевым, изумрудно-зелёным, пронзительно голубым. Шоссе заметно поднималось в гору. За окном всё реже попадались желтеющие буки, зато чаще мелькала тёмная хвоя елей, начали попадаться и голые скалы. Не прямая и прежде, теперь дорога и вовсе делала прихотливые извивы. Однако опытный водитель легко справлялся с управлением, машина быстро продвигалась вперёд. Но вот остановились. Катрин проснулась.

Её глазам предстал настоящий средневековый замок. Окружённый широким рвом, он словно вырастал из озера. Несмотря на громадные размеры и тяжеловесные очертания, создавалось впечатление, что строение свободно плавает на водной глади. Через ров к воротам вёл мост, и Катрин не удивилась бы, окажись он разводным, а ворота – старинными, тяжёлыми, скрипучими, с чудовищным засовом изнутри. И пропускали бы они путников, поднимаясь вверх с помощью здоровенных воротов.

Высились над крепостной стеной округлые угловые башни со стрельчатыми крышами, за стенами просматривался величественный четырёхугольный донжон, возвышающийся над всей крепостью. Узкие окошки, серый камень, потемневшая черепица крыш. И стылая, будто свинцовая вода во рву.

Вдали, на заднем плане, просматривалась пологая вершина, прикрытая туманной дымкой, словно вуалью. И странное дело, очертания замка на фоне этой горы светились в некоем радужном ореоле, будто каждый камень испускает маленькие радуги. Не будь этого ореола, крепость смотрелась бы совершенно угрюмой, даже зловещей.

– С прибытием вас в школу Кнохенхюте, дамы, – проговорил водитель. – Если верить летописям, замок построен в начале семнадцатого века, прямо у подножия вершины Брокен. Вон она виднеется, вся в дымке. Туман там висит большую часть года, но это самая высокая гора Гарца. Знаменитая гора. По преданию именно здесь по весне собираются на свои шабаши ведьмы всего мира! Ты не испугалась, малышка? – повернулся он к Катрин и улыбнулся.

Но девочку занимал другой вопрос. «Кнохенхюте» в дословном переводе – Костяной Приют. Или Приют Костей, с чего бы это? Или сказки дядечки о ведьмах – правда? Водится тут нечистая сила и объедает маленьких девочек до косточек? Папа рассказывал про домовых, леших и кикимор, но те все были добрыми. Ну, попугают детей немножечко, пощекочут, да и всё. А тут как?

Папа же возил Катрин в прошлом году в Потсдам. Там тоже были замки, но... весёлые какие-то. Праздничные. Дворцы, парки, аллеи – всё утопало в зелени, и казалось, было создано исключительно для балов, музыки и радости. Для нарядных дам и их элегантных кавалеров. Резиденция прусских королей, так говорил папа. Величественно и строго смотрелись только ворота, Бранденбургские и Науэнские. Так и те внушали уважение, но не страх. А тут и прям какое-то мрачное место. Приют Костей – бр-р-р!

– Она не боится, – ответила тем временем за Катрин Тереза. – Ведьмы ныне служат Великой Германии. С нами Бог, но и все потусторонние силы тоже.

– Не смею спорить, фрау Зобель, – согласился шофёр.

Он знал, что в школе прочно обосновались люди из оккультного общества «Туле», занимающегося вроде бы изучением древнегерманских мифов и легенд, но детей эти педагоги учат очень разным и не всегда понятным штукам. Точнее, настолько непонятным, что и рассказывать про них кому-нибудь не хочется. Да и нельзя, рассказывать-то. Запрещено. Но фраза о ведьмах, поставленных на службу германских интересов, не прозвучала для него ни шуткой, ни пустой болтовнёй.

Автомобиль подъехал к мосту. Конечно, он оказался никаким не разводным, а самым обыкновенным, сложенным из тёсаного камня. И ворота были вполне современные, створчатые, и даже, похоже, раздвигались с помощью моторчиков. Во всяком случае, ни сторожа, ни кого-либо другого, кто мог бы распахнуть створки, Катрин не заметила. Машина заехала в просторный внутренний двор, и ворота закрылись следом сами собой.

Водитель подрулил к донжону, самому высокому и массивному строению на территории. Рядом виднелись ещё какие-то постройки, но ниже и меньше размерами. Быть может, кладовые, а может, ещё какие подсобные помещения. Покинув своё место, водитель проворно открыл дверцы со стороны пассажиров. Подал руку Терезе, потом помог выбраться Катрин. И улыбнулся ей при этом, улыбка Катрин понравилась.

– Проходите, дамы, вас ждут внутри.

Тереза повела её за руку, они прошли по широкой, но короткой аллее. Поднялись по ступеням, потёртый ноздреватый камень которых будто нёс печать прошедших столетий. Лишь приблизились к высокой двустворчатой двери, как та растворилась. Мачеха и падчерица шагнули за порог.

За дверью располагался просторный пустой холл со сводчатым потолком. У входа их поджидали двое. Рослый мужчина с резкими чертами лица и жидкими, зачёсанными назад волосами. Высокий лоб, покрытый сетью мелких морщин, переходил в глубокие залысины, а сами волосы были обильно присыпаны сединой. Женщина – невысокая, кряжистая, с вытяну-

тым лицом и опущенными книзу уголками рта, что придавало ей унылый, отсутствующий вид. И бесцветными рыбьими глазами.

– Фрау Зобель? – шагнул навстречу мужчина. – Директор Нойер, к вашим услугам. А это, – лёгкий кивок в сторону женщины, – старшая воспитательница фройляйн Циге. Девочка, позволю себе предположить, наша новая воспитанница фройляйн Катрин?

– Да, герр Нойер, – подтянулась Тереза. – Я слышала о вашей школе самые лучшие отзывы. Вам должны были сообщить о нашем приезде...

– Мне сообщили, – мягко, но решительно перебил директор. – Вы хотите познакомиться со школой? С воспитателями, посмотреть на условия, в которых мы содержим воспитанников?

– Не в этот раз, герр директор. Рекомендации исходили от людей, которым я полностью доверяю. И, к сожалению, я спешу. Хотела бы тут же отправиться обратно.

– Что ж, Франц доставит вас на вокзал. Уверяю, можете ни о чём не беспокоиться. Катрин попала в надёжные руки.

– Не сомневаюсь, герр директор. С вашего позволения, я приеду позже, как только дела партии дадут мне такую возможность. – И вскинула руку в партийном приветствии: – Хайль Гитлер!

Нойер поднял согнутую в локте правую руку: «Хайль!»

Тереза обернулась к Катрин:

– Будь умницей, девочка. Здесь о тебе позаботятся, и всё будет хорошо. Я навещу тебя обязательно и постараюсь сделать это побыстрее. Но сейчас мне необходимо ехать...

Только теперь Катрин поняла в полной мере – она остаётся одна. В этом незнакомом, страшном месте, с неизвестными людьми. Дрогнуло сердце, предательски защемило в глазах. Но в ушах раздался голос: «Ты ведь хочешь отомстить за смерть своего отца? Там тебе в этом помогут». И значит, плакать нельзя, и тянуть руки к Терезе тоже нельзя! Ничего сейчас нельзя! А нужно быть сильной. Нужно быть взрослой, достойной памяти папы. И оправдать доверие Валькирии.

Нужно вырасти большой и взять в руки меч!

– Хорошо, – тихо ответила Катрин и посмотрела в глаза мачехи. Что-то там мелькнуло, в её глазах, какая-то мимолётная тень, но что именно, девочка не рассмотрела. Не поняла.

– Фройляйн Зобель, – послышался высокий голос старшей воспитательницы, – пройдите со мной. Будете звать меня госпожа Циге.

Крепкая неженская ладонь цепко ухватила её за руку и потянула, повела в новую, незнакомую жизнь...

Первым делом Катрин отвели в душ. Все её вещи забрали, включая привезённую кофточку и плюшевого медвежонка. Игрушку было особенно жаль – ведь папин подарок! Но строгая женщина, забиравшая вещи, была непреклонна. Обмолвилась, правда, что, мол, потом ей всё вернут. После помывки дали свежее бельё, шерстяные чулки и серое платье из недорогого полушерстяного сукна, а к нему тонкий ремешок и тёмные туфли на упругой подошве. Вдобавок, воспитательница Циге выдала прямоугольник плотной ткани с вышитым знаком, напоминающим стрелку. Такие рисуют на улицах, чтобы обозначить направление движения. Обезд, например. Только оказалось, это вовсе не обычная стрелка.

– Руна Тир, символ воинственного непримиримого духа и нашей школы, – поясняла воспитательница, подчёркивая слова взмахами длинного пальца, словно забивала невидимые гвозди в голову воспитуемой. – Нашить её следует на платье, слева на груди. Над сердцем. Острие должно быть направлено вверх. Также пришьёшь белый воротничок. Он всегда должен быть свежим, меняй хоть по два раза на день. Запас найдёшь в тумбочке, в своей комнате.

Следом Циге повела девочку в комнату, где, как оказалось, расположился парикмахер: с принадлежностями, разложенными на небольшом столике, с креслом для клиентов и зерка-

лом на стене. Тут Катрина надула губки и попятилась. Распрощаться со своими чудесными косами ей вовсе не хотелось. Но наткнулась на костистое, твёрдое как доска тело воспитательницы.

– Стричься обязательно, – проговорила та за спиной своим высоким, без интонаций голосом. – Сама потом спасибо скажешь.

Из парикмахерской Катрин вышла остриженной «под мальчика». Вместо роскошных толстых кос цирюльник оставил лишь короткую чёлку.

Циге повела её сводчатыми коридорами. На стенах горели тусклые лампочки. Двери встречались изредка – тяжёлые, дубовые, без всяких обозначений. Перед одной такой дверью воспитательница остановилась.

– Это твоя комната. Номер семь. Надписей нет, запоминай расположение помещений и переходов, держи план донжона – так называется это здание – и всего замка в голове. Так полезно. В первое время поможет соседка.

И ушла. На ней были такие же туфли на упругой подошве, как и на самой Катрин, потому ступала она совершенно бесшумно. А может, виной всему была особая, скользящая походка? Катрин несмело постучала и вошла.

За дверью оказалась тесная комната. Две кровати с тумбочками, платяной шкаф, на противоположной от входа стене – узкое окошко под потолком. Лампочка на потолке. Даже днём здесь было сумрачно, потому горел электрический свет. Посреди комнаты стояла девочка. Выше Катрин на голову, шире в кости, круглое лицо в веснушках. Остальное: платье, причёска, тонкий поясик и руна на груди – всё так же как и у неё самой, только незнакомка была на несколько лет старше.

– Новенькая? – спросила девочка.

– Да.

– Как зовут?

– Катрин Зобель.

– Зобель? Немка?

Катрин задумалась, как назваться: русской, как есть, или немкой, как теперь считается? Но девочка не слишком ждала ответа, продолжала говорить. И говорила почему-то всё время именно по-русски.

– Зобель, по-польски будет Соболе, по-русски – Соболев... Селят тут по двое, при этом чаще славян со славянами. Польша с русской, чешка с украинкой и так далее. Значит, будешь Соболев! – И рассмеялась резким неприятным смехом. – Мы тут все носим зверушкины фамилии. Я, например, Беата Пьес. Это с польского – пёс, собака. А Беата – благословенная. Благословенная псина, смешно, правда? – и вновь рассмеялась.

Почему-то Катрин стало тревожно от этого неестественного смеха. Позже она узнала, что Беата так хохочет всегда, но в тот момент стало неприятно.

– Хорошо, Соболев, – продолжала между тем соседка по комнате, – можешь говорить по-русски, по-немецки, а хоть на польском или английском, если умеешь. Мы тут многие языки учим. Запомни другое, ты сегодня дежуришь по столовой. Скоро обед, после него ты останешься и перемоешь тарелки и баки для готовки. Там будет тётка Хильда, она покажет тебе, где и что.

– Ты – старшая? – робко спросила Катрин. – Назначаешь дежурных?

Она успела год проучиться в немецкой школе. Папа настоял, говорил, что дети должны учиться независимо от того, где живут и на каком языке говорят. Там тоже были дежурные: помыть доску, прибрать в классной комнате после уроков и прочее, но их всегда назначал учитель. Катрин считала, так будет и здесь, распоряжаться должны взрослые, а не соседка по комнате...

– Старшая, ага... – нехорошо усмехнулась Беата. – А для тебя так уж точно. Что скажу, то и делать будешь. Ещё вопросы есть?

– Я думала...

Маленький, но твёрдый, словно из железа, кулачок впечатался ей в левую скулу. Катрин отбросило на застеленную кровать, из рассечённой губы брызнула кровь. А из глаз – слёзы.

– Ты!.. Ты что?! – взвизгнула она.

– Я спрашиваю, ещё вопросы есть? – надвигалась на неё девочка Беата со смешной фамилией Пёс. И отводила руку для нового удара.

– Ладно, хорошо! – пискнула Катрин. – Я – дежурная по столовой, нужно будет вымыть посуду!

– Вот так, Соболёк, правильно. Считай, обучение в школе Кнохенхюте началось. И запомни, я возражений не терплю. Встань, утри сопли. И поправь постель, смяла. Здесь такого не любят...

Обед проходил в большом сумрачном зале. Света редких светильников явно не хватало, но это не мешало воспитанницам принимать пищу. Именно так – не кушать, не обедать, а принимать пищу. Девочки дисциплинированно выстроились в очередь перед окном раздачи. Миски и ложки брали со столика тут же. Получив порцию, быстро отходили к длинным столам, и так же быстро и молча поглощали еду. Ни разговоров, ни смеха или хотя бы перешёптываний не было слышно, только звон ложек о миски.

И всё же, Катрин успела рассмотреть своих будущих соучениц. Были они разными – высокими и пониже, крепенькими и худенькими, светленькими и тёмненькими, – но в то же время и похожими, словно близняшки. Возможно, такое впечатление производила униформа и одинаковые причёски, а скорее, причина крылась в сосредоточенном выражении на лицах, молчаливости и отчуждённости, стоявшей между воспитанницами словно стена. Столь же высокая и непрístupная, как крепостная стена замка Кнохенхюте.

Впрочем, Катрин – с нашитой перед обедом руной Тир на груди и с белым воротничком – наверняка не выделялась среди других. Разве что в левом углу рта, на верхней губе запеклась корочкой кровь. Вскоре она с удивлением заметила, что тоже не испытывает ни малейшего желания разговаривать с кем-либо, шептаться или смеяться. И дело было не в том, что девочки вокруг ей незнакомы – познакомиться пара пустяков. Просто хотелось быстрее съесть выданную пищу и уйти, как это все и делали. Наверное, атмосфера в зале была такой, не располагающей к дружелюбию, смеху и беспечным разговорам. Только вот Катрин не могла после обеда скрыться в своей комнате – Беата назначила её дежурной.

После еды, когда столовая опустела, она без труда нашла Хильду, пожилую немку, отвечавшую за питание учениц. Та бесстрастно выслушала путаную речь Катрин, что, мол, её назначили дежурной, и она должна перемыть посуду. Молча провела ученицу в моечную, показала, где что лежит, и скрылась. Катрин принялась за работу.

Пока шли миски и ложки, мытьё давалось без особого труда. Но вот с баками для готовки пришлось попотеть. Были они здоровенными, жирными, ужасно неудобными в обращении. Маленькой Катрин никак не удавалось подставить крупногабаритную посудину под струю воды, либо же вода проливалась через край раковины на ноги и платье мойщицы. Пыхтя и злясь, девочка драила очередной непослушный бак, когда бесшумно появилась старшая воспитательница.

– Разве ты сегодня дежуришь, Зобель? – спросила она.

– Да, госпожа Циге, – ответила Катрин, продолжая воевать с посудой.

– Странно... – задумчиво протянула Циге, – я почему-то была уверена, что сегодня по графику Беата Пьес.

Катрина даже перервала работу. Так вот оно что – Беата заслала её в моечную вместо себя! Но это нечестно! Раньше её никогда не обманывали... ну, почти никогда. Если что и было, то совсем по-детски, там и сердиться-то смешно. Но сейчас жгучая обида стала комом в горле, сдавила грудь. Врунья! Зазнайка, самозваная командирша! И что теперь от неё ждать ещё?!

– Но раз взялась – мой, – закончила между тем разговор госпожа Циге. И скрылась так же бесшумно, как и появилась.

Катрин закончила дело и направилась искать комнату. Сделать это оказалось нелегко, на помощь соседки, как обещала воспитательница, рассчитывать не приходилось. Такая поможет... Разве что с лестницы упасть да шею свернуть. Несколько раз Катрин сворачивала не туда, плутала по одинаковым коридорам донжона. Двери были все похожи одна на другую и все не те, что нужно. И спросить не у кого. Судя по столовой, здесь не любят общаться без крайней необходимости. Да и Катрин, если честно, совершенно не хотелось стучать в чужие комнаты. А ну как сразу, без разговоров получишь тумака в лицо?!

Наконец, коридор показался знакомым, а на двери она увидела характерную выщерблину у замочной скважины. Запирают здесь замки или нет, она не знала, но отметину запомнила, и потому смело толкнула дверь.

– Вымыла? – встретила её соседка противной своей, кривой ухмылочкой. – Вот и умница. Завтра заправишь мою постель. И смотри, чтоб ни единой морщинки. Следить буду строго. Вопросы?

Катрин с ненавистью смотрела на обидчицу, но та лишь ухмылялась. Ах, если б взглядом можно было убить эту девчонку – она б убила! Прожгла бы в ней дырку, разорвала бы на куски! Но взгляду обычной девочки это не подвластно. Скорее бы вырасти, стать большой и сильной, как Валькирия! Тогда не одна мерзкая маленькая полька не посмеет издеваться над ней...

Дрогнула раз и другой крохотная родинка под левым веком – Катрин сделал шаг вперёд. Но Беата одним движением оказалась рядом. И всё повторилось вновь – удар, полёт к кровати, солёный вкус крови на языке. Папа-папочка! Ну что же мне делать?! Как жить здесь, в этой треклятой школе?!

Разница заключалась лишь в том, что теперь кулак пришёлся слева, и верхняя губа оказалась разбитой уже с двух сторон. Беата владела ударом с обеих рук одинаково хорошо.

Потянулись дни. Будь на месте Катрин более сведущий человек, сказал бы – казарменные будни. Всё по расписанию: занятия, приём пищи, работы на территории замка в свободное время и обязательное чтение по вечерам. Учёба походила на школьную – арифметика, письмо, история и география. Но были и отличия. Добавился английский язык, притом что русский и немецкий преподавали тоже, невзирая на солидную практику Катрин в том и другом. И что её удивило, здесь уделяли особое внимание физической подготовке. Два раза в день девочек – причём разных возрастов – приводили небольшими группами в спортивный зал, а занятия строились так, чтоб развивать в первую очередь способность нападать и обороняться голыми руками. Вот когда вспомнился парикмахер, и слова Циге, мол, ещё спасибо скажешь. Действительно, с короткой стрижкой заниматься было куда удобнее.

Беата, нарочно или случайно, всегда оказывалась в одной группе с Катрин, и скоро стало понятно – ей с полькой не тягаться. Пьес была очень ловкой и сильной, побеждала и сверстниц, и старших девочек. Порой брала своё не силой и ловкостью, хоть и этого ей было не занимать, но коварством и жестокостью. Однако преподаватели не говорили ни слова против, а жаловаться здесь было не принято. И конечно, с особым удовольствием Беата отыгрывалась на соседке по комнате. Здесь, в зале, можно было бить и истязать противника на законных, так сказать, основаниях – занятия тому и посвящались. И что прикажете делать?

Но и вне занятий было несладко. Пьес гоняла Катрин на работы вместо себя. Вдоль высокой крепостной стены росли столетние дубы и буки. Осенью они засыпали внутренний двор

палой листвой, которую следовало убирать. И вообще, уборка территории была полностью на воспитуемых. Да и в помещениях работы хватало. О дежурствах в столовой Катрин уже знала не понаслышке, а нужно было ещё помогать на кухне: чистить картошку, мыть овощи, резать хлеб.

Неожиданно в притеснениях Беаты нашёлся и плюс. Благодаря тому, что Катрин выходила вместо соседки на все работы, она быстро выучила схему донжона и замка. В северной башне, вернее в подножии её, располагался спортзал, в западной проходили некоторые занятия. А в восточную и южную наоборот, воспитанниц не пускали ни под каким видом. Там кипела какая-то своя, тайная и загадочная жизнь. Строения поменьше, как и предполагалось, оказались складами одежды и провизии длительного хранения – консервов, сухого молока, круп. Свежие молочные продукты, мясо и овощи привозили извне, кормили воспитанниц хорошо. Там же находились столярная мастерская и кузня. Имелся запас горючего для дизельной электростанции на случай повреждения электросети, протянутой аж из Бад Харцбурга. И уже через неделю Катрин, обладая хорошей памятью и чувством ориентации, легко разбиралась во всех помещениях, коридорах и переходах донжона.

Но жизнь с Беатой становилась невыносимой. Маленькая полька находила всё новые и новые злокозненные задания для соседки. То заставит решать домашние упражнения, а сама потом переписывает, то вынудит врать преподавателям, что, дескать, она, Беата, вчера плохо себя чувствовала и потому не вышла к ужину. А Катрин тому свидетель. Да ещё заставляла носить захворавшей подруге пищу, а потом возвращать посуду. Обязательным условием подобной взаимопомощи было участие в мытье этой самой посуды наравне с дежурной по столовой. Беата же в это время просто валялась на койке, дожидаясь, когда ей принесут вечернюю кашу прямо в постель.

Госпожа Циге на все эти выходки лишь приподнимала выщипанную бровь. Наконец, настал день, когда полька заявила, что Катрин должна пойти к старшей воспитательнице и донести на одну из девочек, высокую и полноватую, но спокойную и доброжелательную француженку Адель Урс.

– Скажешь, Соболёк, что она воровка. Деньги у меня украла, которые из дому прислали.

Некоторым воспитанницам действительно родные присылали небольшие суммы. А в западной башне имела галантерейная лавка, где можно было приобрести всякую мелочь. Вот только Пьес никогда на памяти Катрин не получала по почте ни пфенинга. Получалось, она подбивает соседку на ложный донос, враньё, да такое, что грозит Адель исключением из школы, а может чем и похуже!

Это было низко и подло. Катрин так и сказала Беате: мол, что уж вы там не поделили, не знаю, но оговаривать соученицу не буду! И тут же получила удар в живот. Пьес теперь не била её по лицу, чтоб не оставлять следов, но колотила по туловищу так, что наутро Катрин чувствовала себя, словно её пропустили через мясорубку.

Она пообещала выполнить задание, но оттягивала неприятный момент, как могла. То, мол, госпожа Циге была занята и не захотела её выслушать, то саму срочно вызвали в класс и она просто не успела поговорить с воспитательницей. Беата хмыкала, шурилась и бросала презрительно:

– Завтра сделаешь, или смотри...

Нужно было что-то предпринимать. Заручиться поддержкой, обзавестись союзницей среди воспитанниц Катрин не могла. В разговоры девочки вступали неохотно, а если тема казалась им скользкой, сразу замолкали и замыкались, отходили в сторону. А что может быть хорошего, если тебе предлагают сговор против одной из самых сильных учениц, которая, к тому же, и самая жестокая драчунья? Никто ввязываться в такое предприятие не захочет. Предупредить саму Адель и пригласить её вместе попытаться дать отпор Беате Катрин даже не пришло в голову. Слишком она была тихой и незлобивой, эта француженка. Да и трусиха наверняка...

Пойти к госпоже Циге и честно ей всё рассказать, тоже невозможно. Доказательств у Катрин нет, её слово против слова Пьес, а за клевету – коль скоро воспитательница сочтёт рассказ клеветой – наказывали не слабее, чем за воровство. Такой случай уже произошёл на её глазах: одну девочку лишь заподозрили в навете на подругу и мгновенно выгнали. О дальнейшей судьбе изгнанницы никто точно не знал, но пару раз прозвучали слова «концентрационный лагерь». Это страшное изобретение новой власти, едва появившись, день ото дня обрастало столь жуткими рассказами и подробностями, что не нужно было никаких других страшилок, чтобы напугать девочек до смерти.

Было над чем поломать голову.

Решение пришло неожиданно. Катрин заметила, что единственное место общественных работ, куда ходит Беата, это дежурство по кухне. Она не стремилась чистить картошку и ловко спихивала неинтересную работу на кого-нибудь другого, зато обожала хлебобрезку. Дело в том, что на кухне был установлен специальный нож на электроприводе. Нажимаешь кнопку, и из держака со свистом опускается широкое отточенное лезвие. Клац! – и вновь возвращается в гнездо. Предназначался этот электронож для нарезки твёрдых овощей, но, естественно, он легко справлялся и с хлебом.

Вот что привлекало польку – лишний повод покрасоваться перед другими девчонками. Пьес страдал болезненным тщеславием, может быть оттого и лезла на рожон в спортзале, дерзила преподавателям. Для этого же нашла себе жертву – лишний раз самоутвердиться. По правилам дети к ножу не допускались, но Беата нашла способ уговорить Хильду. Когда ей было нужно, она могла убедить кого угодно.

Она любила подставлять буханку хлеба так, чтобы нож отрезал идеально ровные, совершенно одинаковые куски. Но при этом всегда убыстряла темп нажатий. Нож только и мелькал с глухим клацаньем, летели в лоток нарезанные ломти хлеба, девчонки круглили глаза и только что не визжали – это был час триумфа Беаты.

– Эй, кто там рядом, подавай буханки! – азартно кричала она когда на польском, когда на немецком языке. Глаза её горели, щеки румянились, и даже Катрин в такие моменты захватывал жутковатый восторг.

Но в этот раз было не до восторгов.

Как раз случилось дежурство. Катрин с двумя другими девочками выполняли обычные работы, когда явилась Беата. Судя по всему, она уже договорилась с Хильдой и направилась прямо к хлебобрезке.

– Ну что, подружки, показать вам истинное мастерство? – выкрикнула весело, засучивая рукава. – Соболёк, иди сюда! Будешь подавать патроны! – и рассмеялась своим противным смехом.

Но когда загудел электромотор, и Катрин подала первую буханку, вдруг наклонилась и шепнула ей в ухо:

– Смотри, не исполнишь задание, я суну в эту штуку твою голову.

Невозможно было понять, насколько полька шутит и шутит ли вообще. Катрин как током ударило – другого шанса не будет. На побледневшем лице стала хорошо заметна маленькая родинка под левым лазом...

А дело уже пошло: нажатие – клац! – и подвинуть хлеб на сантиметр! Нажатие – клац! – и летит очередной отрезанный ломоть! Я такой же отрезанный ломоть, неожиданно подумала Катрин, подавая новую буханку...

Клац! – клац! – клац! – Беата нажимает на кнопку всё быстрее, лезвие мелькает в опасной близости от её руки...

– Соболёк, не зевай! – кричит разошедшаяся польская девочка со смешной для русского уха фамилией Пёс. – Давай хлеб!

Даю!

Поворот – взять хлеб – взгляд искоса – Беата осторожно подаёт остатки предыдущей буханки...

Поворот – Беата протянула руку – значит, хоть чуть, но отвлеклась – движение – рукой подать очередную буханку, а телом слёгка нажать на локоть...

Вот так...

Поворот...

В лоток вместе с отрезанным ломтём хлеба летят три отсечённых пальца.

Беата отёрнула руку, и застыла, выпучив глаза на изувеченную кисть. Из обрубков пальцев хлестала кровь. И только через несколько бесконечно долгих секунд она закричала – дико, с пронзительным визгом. Катрин и не знала, что люди могут так кричать.

– Пёс тебя заberi, Беата, – шепчут её губы. Шепчут так, чтобы никто не услышал.

Кухня пришла в движение. Завизжали разом и заметались бестолково девчонки. Откуда ни возьмись появилась бледная Хильда, ещё не понявшая, что произошло, но почувствовавшая беду.

– Ай, Беаточка, что ж ты так! Как же можно, дай помогу!.. – запричитала Катрин, как, бывало, лопотала фрау Гросс, когда совсем маленькая Катюшка шлёпалась на попку. Схватила подвернувшееся под руку полотенце, накинула на кисть, попыталась затянуть.

Беата вырвала обрубок руки, прижала к груди, пачкаясь собственной кровью. Шатаясь, вперевалку, как никогда раньше не ходила, потопала с кухни...

Вечером объявили общее построение воспитанниц во дворе, где находилось что-то вроде плаца, предназначенного как раз для подобных построений. На небольшую трибуну поднялся герр директор.

– В нашей школе произошло прискорбное событие, – начал он, напрягая голос. – Одна из воспитанниц, Беата Пьес, покалечилась по собственной неосторожности. Теперь она, к сожалению, не сможет продолжить обучение. Я хочу всем напомнить о дисциплине! Дисциплине и осторожности! Пусть это несчастье послужит...

Дальше Катрин не слушала. Беаты больше не будет. Может быть, её отправили к родителям, а может быть, в страшный концентрационный лагерь. А может, в лагерь вместе с родителями. Ведь недаром в школу Кнохенхюте – приют костей наших – отбирают лишь особых детей. И не выпускают до окончания обучения ни под каким предлогом. Высокие стены, ров, ворота на запоре. Знать есть, что скрывать от остального мира. А Пьес успела проучиться тут целых три года. Разве её просто так отпустят?

Но она сама выбрала свою судьбу. Мы все выбираем...

В комнату к Катрин подселили Адель Урс. Урс – по-французски медведь. Она и есть такая – большая и с виду неуклюжая. Зато не злая.

А перед отбоем неожиданно зашла фройляйн Циге.

– Ты ведь хотела иметь его при себе? – сказала она и протянула забавного плюшевого медвежонка с одним грязным ушком.

– А можно? – не веря своему счастью, пролепетала Катрин.

– Можно, – чуть приподняла уголки губ Циге, что должно было означать улыбку. – Теперь можно.

3. 1933 год. Школа Кнохенхюте, программа «Л»

Ханна Куна атаковала стремительно. Правой рукой имитировала удар в лицо, метя кулаком в челюсть, но это лишь для того, чтобы Катрин поставила блок. А сама тем временем, используя блокирующую руку как точку опоры, ударит локтем. Или, к примеру, резко затормозит движение и неожиданно перейдёт на захват и бросок. Вариантов много, и осмысливать их в схватке времени нет. Да и нельзя этого делать – думать во время драки. Должны работать рефлексy.

Именно повинувшись рефлексам, Катрин не блокировала обманное движение, а скользнула вдоль вытянутой руки противника с подшагом и поворотом – оп! и её пальцы цепко прихватили предплечье Ханнны. Оп! – и на себя, с проворотом в другую сторону, и ногой – под колено, нажимая стопой кнаружи... Вот ты, подруга, и на земле. Теперь, если крутануться на левой ноге, можно носком правой заделать изо всех сил в висок.

Височная кость тонкая, она не выдерживает удар локтем, коленом, ну и носком ботинка, конечно. И ничего, что они в зале без ботинок, можно и босиком. Если уметь выгнуть стопу и бить тем участком, что сразу под большим пальцем. А Катрин умеет, не зря столько тренировалась, оттачивала этот удар на боксёрском мешке.

Но вообще, эта чешка драться умеет, с ней держи ухо востро. Даром что Куна по-чешски куница, а Катрин – Соболь, ну, в смысле, тоже из семейства куньих. Тут никто родства не признаёт, даже такого шутиwego. Каждый за себя, только герр директор за всех. Да ещё госпожа Циге, конечно, куда ж без неё.

– Стоп!

Желтолицый инструктор развел руки, приказывая бойцам разойтись по разным углам ковра. Девочки послушно разошлись. Катрин – не без некоторого сожаления. Да, в своё время Ханна могла бы заткнуть за пояс и Беату, доведись им встретиться. Однако не довелось, Куна появилась двумя месяцами позже устранения нежелательного элемента. Так Катрин назвала для себя то, что она проделала с несносной полькой. Назвала вначале для самоуспокоения, несмотря на визит госпожи Циге и возвращение медвежонка, в тайне души она побаивалась последствий. Вдруг преподаватели затеют расследование, обвинят её в покушении на соученицу. Но потом успокоилась и стала оценивать свой поступок без всяких эмоций: была девчонка лишней, мешала, вот она её и устранила.

С тех пор Катя смотрела на соучениц несколько иначе. Молчаливые, нелюдимые, замкнутые? Так это даже хорошо! И что подруг у неё нет, тоже неплохо. Потому что каждую из этих девочек при необходимости можно использовать в своих целях. Или избавиться от любой, случай с полькой это доказывает. Умысел Катрин остался тайной, Пьес больше нет, а фройляйн Циге если и догадалась о чём, то молчливо одобрила. Иначе как расценить то, что старшая воспитательница не стала разоблачать её, не вывела на плац для показательной порки, а напротив, относится теперь внимательнее, поглядывает с некоторым даже интересом.

И сейчас бить Ханну во всю силу, тем более на поражение, в висок, Катрин не собиралась, но чувствительно лягнуть могла бы. Так, для остратки, и чтоб не зазнавалась. Ну, ловкая, сильная – и что? Она тоже не лыком шита.

За год Катрина узнала много нового и поднабралась некоторых полезных навыков. Взять, к примеру, ту же систему самообороны, что преподаёт инструктор Ло. Он сам приказал называть себя так – инструктор Ло, и всё. Девчонки болтают, приехал он с Тибета, а приёмчики, которые он показывает, знает только горстка монахов высоко в горах. Теперь вот изучают они, воспитанницы Кнохенхюте.

А на прошлой неделе возили на стрельбище за пределы замка. Разбирать и собирать парабеллум они начали ещё зимой. И не только его: советский пистолет «ТТ», бельгийский браунинг, армейский карабин тоже. Последний для многих девчонок оказался тяжеловат, да и длинный очень, с этим оружием их лишь познакомили. Пистолет тоже явно не для детских рук придуман, но тут уж, хочешь не хочешь, а держи и целься. Помогло то, что до стрельб Катрин долго тренировалась – держала утюг на вытянутой руке. Вначале недолго, минут пять-десять, но потом рука окрепла, удавалось держать железку и полчаса, и дольше. Поэтому справилась. Стрелять ей понравилось.

Но год запомнился не только, и даже не столько этим. Гораздо интереснее стало учиться. Во-первых, начали преподавать скандинавские и древнегерманские мифы. Этому уделялось особое внимание, и Катрин с жадностью впитывала легенды об Одине и его сыновьях. Тор с

его непобедимым молотом, хитрый и лживый Локи, неподкупный Хеймдалль, охраняющий мост-радугу Биврёст, красноречивый и мудрый Браги. И другие благородные асы, обитающие в прекрасной и недостижимой крепости Асгард, где всё сделано из чистого золота, и вместо светильников – источающие сияние мечи.

А женщины-богини! Жена Одина Фригг, владеющая судьбами людей, богиня любви Фрея, жена громовержца Тора златоволосая Сив, хранительница плодородия. И, конечно, валькирии. Имена дев-воительниц Катрин произносила с придыханием, знала все двенадцать наперечёт, помнила, что они означают. Во всяком случае, те, которые были известны. Вела предмет шведка немецкого происхождения фру Бьёрнборг, она говорила, что совсем древние имена валькирий переводу не поддаются. И это ещё больше волновало девочку, можно было пофантазировать, самой придумать суть девы, отображённую в имени.

Она часто вспоминала картинку, виденную в детстве. Художник изобразил дев с сияющими мечами, разящими врагов. Вообще-то, основным занятием валькирий, как выяснилось, было сопровождать погибших героев-конунгов в Асгард, подносить им мясо бессмертного вепря и никогда не пустеющие рога с пьянящим мёдом. Наверное, художник выполнял заказ партии, а изображённые воительницы должны были укреплять дух немецких женщин.

Но с другой стороны, именно валькирии решали, кому отдать победу на бранном поле. И пусть сами они не рубились мечами, им в удел досталась высшая правда – определить победителя в битве и сопроводить героя на небеса! Оттого образ Валькирии, созданный в детском сознании, не тускнел, а напротив, сиял день ото дня всё ярче. Становился всё привлекательнее. Ах, быстрее бы вырасти большой, взять меч и вступить в борьбу с врагами нации! С людьми, убившими её отца, от которых происходит всё зло на свете!

А кто эти люди – ей подскажут. Мудрые и опытные наставники помогут найти направление, где их искать. Фру Бьёрнборг, зачитывая строки из «Старшей Эдды» и «Песни о Нибелунгах», при виде взволнованного, одухотворённого лица воспитанницы Зобель удовлетворённо кивала. Запоминай, девочка, тебе пригодится. Она даже представить себе не могла, насколько окажется права...

Вторым интересным пунктом, как ни странно, оказалось обязательное ежевечернее чтение. Раньше Катрин не очень любила это занятие. Папа часто повторял, что человек не читающий – человек нищий. Умом скорбный и духом обделённый. Катрин всегда слушалась отца, видела в нём не только заботливого родителя, но и друга, советчика и наставника. Однако вот эти его высказывания относил к разряду нудноватых и малопонятных нравоучений, что так любят порой взрослые. Она прилежно разбирала немецкие буквы в школе, а вечером ещё и русские, под присмотром отца, но никогда не назвала бы это занятие увлекательным.

В Кнохенхюте дело обстояло иначе. Для начала, девочкам преподали новую методику чтения. Необходимо было находить в тексте ключевые, опорные слова, проскальзывая страницу по диагонали. Как через ручеек по камешкам – прыг-прыг. Потом заставляли читать весь текст снова, однако скорость чтения при этом многократно увеличивалась. И, наконец, закрыв глаза, воспитанница должна была воспроизвести весь текст до запятых и помарок на странице. Добивались этого не сразу, а многократными, монотонными упражнениями. Многие девочки не терпели подобных занятий, но Катрин, к собственному удивлению, находила работу с текстом увлекательной. Ей нравилось запоминать и давалось это легко.

Далее, из русских девочек, которых в школе набралось с полдесятка, сформировали языковую группу (общего количества учениц Катрин попросту не знала, даже на редкие общие построения, судя по всему, выходили не все, и время от времени в коридорах и столовой мелькали совершенно незнакомые лица). Пришла женщина, представившаяся Инессой, и принялась заниматься с ними разговорным русским языком. При этом отдельно тренировали правильную литературную речь, отдельно – просторечье, городское и деревенское. Выговор уроженцев Поволжья, Сибири, юга России.

Естественно, Катрин участвовала в обучении. Её поразило, насколько легко и артистично владеет языком новая преподаватель. Как-то, не удержавшись, она брякнула:

– Госпожа Инесса, вы русская?

Учительница внимательно на неё посмотрела:

– Ты очень способная ученица, Зобель. Но любые дарования нужно развивать упорным трудом и постоянными тренировками. Без этого им цена – медный грош...

– В базарный день, – нашлась Катрин.

– Совершенно верно. Я и говорю, ты способная. Больше внимания занятиям, и всё будет в порядке. А моё происхождение никого не должно волновать.

Катрин и раньше догадывалась, что лишние вопросы в школе не приветствуются, и мысленно выругала себя за излишнее любопытство. Никто не будет здесь разговаривать с ней доверительно. С одной стороны это удобно, с другой – если вдруг случится беда, никто не подаст руки помощи. Выпутываться всегда придётся самой, как это уже и произошло в случае с Беатой Пьес. А маленьким девочкам порой хочется всё-таки поболтать с кем-нибудь по-дружески, посоветоваться. Раньше можно было поговорить с папой, а теперь...

Именно Инесса настояла, чтобы девочки из её группы в обязательном порядке включали в вечернее чтение произведения русской классики. Детские рассказы Льва Толстого, Чехова, Короленко, Некрасова. Стихи Тютчева и Фета. При этом она категорически запрещала использовать методику быстрого чтения, говорила, что та хороша лишь для усвоения информации. А вы, мол, должны почувствовать мелодию стихов и прозы, их глубинное внутреннее содержание. Поэтому изучать материал – именно так, изучать материал – необходимо не прыгая по текстам, а читать вдумчиво, страницу за страницей, проникаясь тем настроением и духом, который привнёс автор. Инесса не уставала повторять:

– Вы должны быть самыми русскими из всех русских. Одного лишь знания языка для этого мало. Необходимо мыслить по-русски, чувствовать, воспринимать жизнь как славяне. Не играть в национальный характер и привычки, а обрести их. Чтобы стали они плотью и кровью, родными стали...

Поначалу такие высказывания забавляли Катрин. Как это, стать русской больше, чем любая русская? Они и так... можно сказать... А потом догадалась – все девчонки подобно ей давно не жили на родине. Каждую вывезли из разных стран в раннем детстве, а кое-кто, как она, и родился уже на чужбине. И сейчас в них вновь воспитывали тот национальный дух, который они утратили, а возможно, и не имели никогда. Действительно, сама Катрин во многих отношениях немка. С присущими этой нации привычками, понятиями и образом действий. Но зачем? – раз за разом спрашивала себя она. Неужели Валькирии нужно иметь национальность, да ещё подтверждать её постоянно, чтобы разить врагов огненным мечом?

На эти вопросы пока ответов не находилось...

Однако они имелись – ответы. Началось всё в 1926 году с подачи Вальтера Николаи. Человек этот сыграл важную роль в развитии германских секретных служб послевоенного периода, и хотя официальных постов и должностей не занимал, оказывал значительное влияние на процесс развития этих самых служб. Окрылённый успехом ряда операций 1923 года, в результате которых Германия, стреноженная Версальским договором, наладила выпуск военной техники в СССР, Николай среди прочих предложил проект создания школы долгосрочной подготовки диверсантов.

Хотя элементы подрывной деятельности применялись при ведении войн ещё с XVIII века, считаться системой они не могли. История сохранила лишь единичные случаи, такие как, например, подрыв мостов бурами в англо-бурской войне. В годы Первой мировой само слово «диверсия» означало отвлечение малыми силами внимания противника от направления основного удара. То есть, занимались этим армейские подразделения. Николай предлагал создать

именно систему для подготовки профессиональных диверсантов, людей занимающихся только этим видом боевой деятельности и никаким другим. И не просто подготовить, но вырастить, воспитать, закалить будущих бойцов невидимого фронта в духе самопожертвования и беззаветной преданности Германии.

Новация заключалась ещё и в том, что предполагалось забрасывать в стан врага девушек. Истории известны случаи участия женщин в разведывательных операциях, достаточно вспомнить хотя бы знаменитую Мату Хари или Анну Ревельскую. Но там речь шла о сборе и передаче информации, в этом женщины при определённых условиях могут дать фору мужчинам. Хорошо известна также «медовая ловушка», завлечение объекта женщиной-агентом в постель с последующим выпытыванием в процессе плотских утех всяческих секретов. Тут же речь шла о подготовке именно диверсанток. И в этом были свои резоны.

Действительно, на девушек и девочек контрразведка противника обращает меньше внимания. Срабатывает стереотип мышления: диверсант, способный преодолевать множество опасностей на пути к цели, видится, как правило, крепким в физическом плане, молодым мужчиной. Однако женщины не уступают сильному полу в выносливости, а при достаточной подготовке даже превосходят. И если в действующей армии по понятным причинам преобладает мужской контингент – в открытом бою они эффективнее, – то скрытно пробраться к объекту и заложить мину женщине вполне по силам.

В пользу этих соображений говорило также то, что женская психика более устойчива к стрессу, пластична, работает в многоцелевом режиме. Представительницы слабого пола более аккуратны, дисциплинированы и внимательны. Наконец, женский организм, в силу необходимости рожать детей, легче переносит боль и физические страдания. Добавьте к этому, что в каждой женщине скрыта в той или иной мере актриса, и получится портрет очень перспективного разведчика-диверсанта.

Все эти доводы были благосклонно выслушаны в верхах рейхсвера. Под проект выделили финансирование, и работа началась. Сам Николаи был слишком занят операциями международного масштаба, он поручил разработку идеи своему помощнику Рихарду Блюме. Тот, прежде всего, озаботился местом размещения будущей школы. После продолжительных поисков был найден заброшенный замок в предгорьях горы Брокен, самой высокой вершины Гарцского массива. В одной из башен был обустроен охотничий приют, другие помещения, включая и донжон, пустовали и служили исключительно для антуража. Ров давно высох, а стены местами обвалились. Однако возраст постройки привлекал любителей поохотиться на кабанов и оленей, придавая действию особый, средневековый колорит.

Но дело у владельца угодий шло со скрипом, дичи в окрестностях осталось мало, и любителей побегать в предгорьях с ружьём каждый сезон приезжало всё меньше. Таким образом, сотрудникам Блюме не стоило большого труда выкупить замок и прилежащие земли. На склоне горы Брокен, славной тем, что здесь проходили знаменитые Вальпургиевы ночи, появились рабочие и строители. Они прочистили сообщение рва с горной рекой, и ров наполнился водой. Поправили стены и привели в порядок помещения башен и донжона, построили пристройки для хозяйственных нужд. Из Бад Харцбурга протянули электричество, что было самой затратной частью строительства. Но деньги к тому времени у Блюме были...

В один из дней, когда Рихард Блюме руководил строительством новой школы из маленькой конторы в Зальцгиттере, в дверь постучали. Вошёл невысокий господин в тёмном пальто, учтиво снял шляпу. Представился доктором Бергом, членом общества «Туле», изучающего истоки и историю арийской расы. И представил рекомендательные письма от Рудольфа Гесса и Генриха Гиммлера. Первый был правой рукой Адольфа Гитлера по вопросам НСДАП, второй – заместителем рейхсфюрера СС.

На дворе стоял 1927 год. До прихода национал-социалистов к власти оставалось ещё шесть лет, однако Блюме знал и о партии, и о её элитном охранном отряде. Тогда СС ещё

только формировался и наращивал мышцы, в его рядах насчитывалась едва сотня членов, но Блюме был разведчиком. Он просто обязан был следить за положением в стране и анализировать ситуацию. Фашисты набирали силу, популярность Гитлера росла на глазах и в народной среде, и среди банкиров, и каждый, кто стоял рядом с ним, должен был или вознестись или пасть. В политическом смысле, разумеется. Но падением и не пахло, а следовательно...

К тому же, Абвер в то время числился лишь маленьким отделом рейхсвера, предназначенным для контрразведки в армии. Большого не позволял Версальский договор. До эры Канариса, сделавшего военную разведку и контрразведку одним из мощнейших аппаратов вермахта, оставалось восемь долгих лет. Сейчас будущий адмирал заседал референтом в штабе ВМФ, строил карьеру морского офицера и сам ещё не знал своей дальнейшей судьбы. Основоположник проекта Вальтер Николаи пребывал в странном положении то ли советника, то ли отошедшего от активной деятельности мемуариста, на его помощь рассчитывать не приходилось. Между тем, финансовый поток, направленный на строительство, превратился в слабенький ручеёк, местами обмелевший до дна. А ведь основная работа оставалась впереди – набор преподавателей, снабжение, и, наконец, поиск воспитанниц. То, ради чего всё затевалось.

Блюме просто необходима была поддержка, и молодое, нахрапистое, набирающее силу фашистское движение представлялось наиболее выгодным партнёром. К тому же, представившись и задав несколько малозначительных вопросов, лишь подчеркнувших, что визитёр полностью в курсе проекта, доктор Берг прямо предложил финансовую помощь. Условие поставил лишь одно – ввести в штат будущей школы несколько преподавателей от общества «Туле». Нужно было провести электричество к замку, предстояло решить массу других вопросов, и Блюме согласился.

Зимой 1928 года открылась школа Кнохенхюте. На таком названии настоял доктор Берг, ссылаясь на якобы исторические сведения о замке. Блюме было всё равно. Костяной Приют? – пусть. Начались поиски по всей стране девочек в возрасте от восьми до десяти лет иностранного происхождения. Искали славянок, брали англичанок и француженок, находили представительниц скандинавских народов. Первая группа появилась уже в феврале и насчитывала двенадцать человек. В будущем планировалось открыть ещё одну школу для детей из Турции, Ирана, стран Ближнего Востока.

Программа строилась на изучении общеобразовательных предметов с упором на историю, которую подавали в определённом, выгодном для задуманного ключе. Об идеологическом воспитании никто из основателей не забывал ни на миг, в этом крылась основная сила будущих воительниц и успех предприятия в целом. Особое внимание уделялось преподаванию древнегерманских (по сути, скандинавских) легенд и мифов, языковой подготовке. Уже с первого года девочек знакомили со стрелковым оружием, тренировали в них силу, выносливость и равнодушие к боли на уроках физвоспитания.

Оккультное, а ещё более того политическое общество «Туле» прислало двух человек. Виктор и Элен Эшенбах представились супругами. С их слов, они ставили перед собой цель – развить в воспитанницах парапсихологические способности. К тому времени в школе директорствовал Фридрих Нойер. Ученик Вальтера Николаи, работавший под его руководством во времена Великой войны, он имел членство в национал-социалистической партии с двадцать пятого года и был ярким сторонником Гитлера.

Николаи считал войну не проигранной, а Германию – преданной, и Нойер разделял его точку зрения. Однако учитель оставался разведчиком до мозга костей, его удел – хитрые международные комбинации. Гитлер же, будучи политиком, стал в глазах Нойера прямым выражением надежд и чаяний всех немцев, несущих ярмо позорной капитуляции. Оккультисты явились, считай, от самого Гимmlера, правой руки Гитлера, усомниться в целесообразности назначения было попросту невозможно. Но ко всему прочему, директор был ещё и здравомыслящим человеком, потому спросил:

– В случае, если вы не найдёте среди контингента девочек, способных к парапсихическим опытам, что будете делать? Ведь это природный дар, если я не ошибаюсь? Он либо есть, либо его нет...

– Типичная точка зрения дилетанта, – самоуверенно отвечал Виктор. – Господин Нойер, связь с потусторонним заложена в каждом человеке. Владея специальными методиками, мы можем развить данную связь в осознанные действия.

– И что это за методики? – полюбопытствовал директор.

– Они основаны на чёрной магии, – выдал преподаватель тайных знаний и сделал значительное лицо.

В этой странной паре всегда говорил он, его жена Элен обычно молчала, уставившись в пол.

Герр директор лишь пожал плечами. Рихарда Блюме уже не было в школе, он занимался новым секретным проектом, но периодически звонил. Его советы были равнозначны приказам, и Блюме чётко оговорил, что преподавателям из оккультного общества выдан карт-бланш. Что ж, программа предусматривала определённое количество часов для господина мага и его спутницы жизни.

Как директор школы Нойер имел право знать план занятий всех учителей и периодически контролировать его выполнение. В бумаге, представленной Эшенбахами, значились: лозоходство, или биолокация, гипноз, перемещение предметов силой мысли, или телекинез, и пирокинез – способность возжигать объекты на расстоянии при помощи всё той же силы мысли. Безусловно, последнее, как, впрочем, и предпоследнее, было бы чрезвычайно полезным умением для диверсанта, вот только Фридрих ни секунды не верил, что это возможно. От программы супругов, на его взгляд, отчётливо пахло жульничеством. Но предпринять что-либо в отношении колдунов из «Туле» он не мог. Рекомендации Блюме, как уже было сказано, приравнивались к приказам.

Лишь однажды Виктор по-настоящему удивил Нойера. Случилось это более чем через год после появления Эшенбахов, осенью 1929 года. Никакого телекинеза, а тем более пирокинеза, девочки за всё это время так и не показали, что было на взгляд директора в порядке вещей. Но вот одна воспитанница, Клара Вчела, словачка по национальности, сумела непостижимым образом найти гранату в лесу. Граната не имела взрывателя, и вообще, обставлено всё было в духе показательного выступления. Если не сказать – показушного. Но тем не менее.

Эшенбах попросил разрешить Францу, штатному водителю школы, загодя спрятать в лесу боеприпас. Притом так, чтобы рядом не было сколько-нибудь заметных ориентиров, и он сам не смог бы с точностью показать место. Нойер дал разрешение, Франц выполнил задание. На следующий день они выехали: чёрные маги в полном составе, директор и девочка. Франц, естественно, за рулём. Прибыв на место, Виктор сказал, что введёт Клару в гипнотический транс, после чего она, используя память водителя, найдёт спрятанный предмет. Элен всё это время привычно молчала, потупившись.

Проделав над словачкой необходимые пассы, маг, судя по всему, добился желаемого – девочка двигалась как сомнамбула, отвечала на вопросы замедленно, тихим голосом, без команды не делала и шага. Но как только Виктор приказал резким голосом: «Искать», она ухватила водителя за руку и прикрыла глаза. А потом быстрым шагом направилась в заросли кустов. Через минуту граната была перед глазами удивлённых зрителей. Произошедшее особенно поразило Франца, он клялся и божился, что не запомнил точно место. Прятал-то в сумерках, да выполняя условие – никаких чётких ориентиров. Водитель волновался, что не сработай метода, граната останется в лесу. А ну как найдёт кто, да бросит, к примеру, в костёр?

Поэтому бедняга Франц испытал истинное восхищение, смешанное с облегчением и некоторым испугом. Что-то такое мелькнуло в его глазах – этакое опасливое уважение, – когда он глянул на Клару, приходившую в себя. Сама девочка ничего не помнила и как искала гра-

нату, сказать не могла. Что до Нойера, то увиденное показалась ему хитроумным трюком, постановкой, сработанной Виктором для повышения собственного престижа. Таким было первое впечатление. Позже, помывшись над ситуацией, он признался себе, что не понимает, как подобное можно было проделать. Во всяком случае, не подговорив Франца, хотя в водителе он был уверен на сто процентов. Однако позже и тут нашлись контраргументы – если девочка совершает нечто экстраординарное только под гипнозом, то какой в этом прок для диверсионной работы? Не будет же она идти на заброску с любимым гипнотизером под руку!..

Но всё ж таки, своё пребывание в школе маги худо-бедно оправдали и ещё год морочили головы воспитанницам. По окончании этого срока их отозвали, а вместо них прислали преподавателя мифологии, вполне управляемую и безобидную шведку Бьёрнборг, и желтолицего господина Ло, мастера некоего секретного единоборства. Из достоверных агентурных источников Нойер знал – девочки заменой довольны.

Однако сейчас, на исходе тридцать третьего года, многое изменилось и в стране, и в школе. Начать с того, что в январе Гитлер стал рейхсканцлером. А после февральского пожара в Рейхстаге Гинденбург подписал декреты «О защите народа и государства» и «Против предательства немецкого народа...», объявив коммунистов, по сути, вне закона. Для понимающих людей это стало верным знаком – фюрер прибирает себе всю полноту власти, изначально ограниченную парламентом. Ведь рейхсканцлер на тот момент являлся всего лишь главой кабинета министров, а кабинет, кстати, нужно было ещё сформировать.

Нойер догадывался, что может произойти дальше, но события развивались стремительно и превзошли все ожидания. Аресты инакомыслящих, мартовские выборы в Рейхстаг, запрет Коммунистической партии Германии, то есть окончательный разгром главного противника. И в конце месяца – Закон о чрезвычайных полномочиях. Занавес. Дальнейший ход событий предсказать было легко.

Далее, ещё в двадцать девятом году Гиммлер стал рейхсфюрером СС и успешно развивал эту структуру, на глазах превращая «чёрный орден» в самую мощную спецслужбу Германии. К весне этого года в рядах охранного отряда насчитывалось более пятидесяти тысяч человек. Сам же Гиммлер получал из рук нового канцлера должность за должностью. Пока, правда, всё больше в пределах Баварии, но недалёк тот час, когда влияние его распространится на всю страну. Нойер верил в это и мысленно рукоплескал – вот такого начальника он хотел иметь!

Рихард Блюме, между тем, звонил всё реже, а последние полгода вообще не давал о себе знать. Новый же руководитель Абвера Конрад Патциг не выказывал к проекту особого интереса. Не беда, директор с удовольствием оказался бы под крылом всемогущего СС. Тем более что Гиммлер с маниакальным упорством подчинял себе всё, связанное с наукой, в том числе, – а быть может, и в первую очередь! – наукой исторической, связанной с древней Германией и пантеоном её божеств и героев. А также и оккультными знаниями.

И наконец, в июле состоялась устроенная известными расологами Дарре и Виртом выставка «Немецкое наследие предков», которую Гиммлер не преминул посетить. И не просто посетил, а всецело одобрил, и вместо тихо умирающего «Туле» появилось «Немецкое общество по изучению древней германской истории и наследия предков». А чуть позже – институт, для простоты сохранивший в названии два последних слова – наследие предков. «Аненербе».

Теперь Нойер был рад, что в деле подготовки диверсанток не обошлось без предтечи новоявленного научного центра. Это ставило школу как бы ближе к всемогущему рейхсфюреру. Но и одолевали сомнения: не пожелает ли новый хозяин сменить персонал? Новая метла по-новому метёт, есть у русских такая поговорка. Звонок из ближнего окружения Гиммлера вначале более испугал, чем обрадовал. Некто, представившись господином Ключе, поведал, что рейхсфюрер помнит о школе Кнохенхюте, знаком с программой обучения и приветствует

перспективное начинание. В знак доверия он предлагает господину Нойеру встретиться с профессором Бертольд.

– Учёный придет к вам завтра, – негромко, но уверенно журчал голос на том конце провода. – Поговорите с ним, расспросите. Посмотрите, какой он человек, этот профессор, и что за идеи роятся в его голове. Мы знаем вас как опытного человека и убеждённого члена партии и рассчитываем на объективную оценку. Если Бертольд будет нести полный бред, не спешите отказывать. Прежде позвоните мне по телефону (далее следовали цифры). Подумаем вместе. Если же проект вам понравится, приступайте к реализации немедленно. Создайте учёному необходимые условия, подберите материал. И всё равно позвоните. Да, в мюнхенском отделении Кредит-Банка на счёт вашей школы мы положили некоторые средства (далее следовала цифра, весьма внушительная). Располагайте ими. Вопросы, господин директор?

Вопросов не было, была радость. Вот это хватка! Вот, что значит – хозяин в доме! Сразу и перспективный проект, – да не просто, а с научным открытием, с настоящим учёным! – и денежки. А уж он не подведёт. Отличный шанс доказать свою полезность!

В тот момент, когда Катрин Зобель в зале физвоспитания боролась с чешкой Ханной Куна, директор встречался с профессором в верхнем ярусе южной башни. Одной из тех, куда воспитанниц не пускали. Внизу располагались бухгалтерия и учебная часть. Верхний ярус пустовал. В восточной башне, в подвале находился склад оружия и боеприпасов для учебных стрельб, выше жили преподаватели школы. Получалось, будто они сидят на пороховой бочке, но никто не выражал недовольствия или опасений.

Профессор выглядел в точности так, как порой описывают учёных мужей в книжках: слегка рассеянный, не от мира сего, с венчиком лёгких как пух волос вокруг лысого, блестящего черепа. Круглые очки его постоянно запотевали, и ему приходилось время от времени протирать их носовым платком. Выяснилось, что он преподавал теорию электромагнитных излучений на физическом факультете Мюнхенского университета Людвига-Максимилиана. Увлекался проблемой воздействия излучений рентгеновского спектра на живые организмы.

– Видите ли, рентгеновские лучи могут различаться по частоте и длине волны, – увлечённо повествовал Бертольд. – Энергия их лежит в пределе от ста электронвольт до двухсот пятидесяти килоэлектронвольт, а длина волны от пяти тысячных до десяти нанометров. Это чрезвычайно большой разброс...

– Подождите, уважаемый профессор, – мягко, но непреклонно перебил Нойер. – Не тратьте красноречие зря, я в физике всё равно ничего не смыслю. Давайте сразу к сути дела – чем ваши лучи интересны в плане подготовки будущих разведчиков-диверсантов?

– Ну да... – слегка сбился учёный муж, но тут же воспрял: – так я о чём и говорю! Можно подобрать такую энергию и длину волны, которые будут воздействовать на живой организм чрезвычайно интересным образом. Облучая узконаправленным пучком область гипофиза...

Чем дольше слушал Нойер, тем более испытывал неприятное удивление. В то время как в кругах национал-социалистов – он знал – полным ходом идут обсуждения, мол, стоит ли содержать умалишённых, дебилов и прочих увечных, это ярмо на шее общества, Бертольд предлагал этих самых уродов производить из нормальных людей. Таково ли предназначение его воспитанниц?

– Как вы говорите, задержка в росте? – переспросил он, отвлёкшись от собственных мыслей.

– Ну да! Выделение гормона роста резко сокращается. После серии сеансов внешне человек продолжает выглядеть ребёнком, в то время как внутреннее развитие продолжается. Интеллект, волевые качества, способность оценивать окружающую действительность и шкала личностных ценностей, способность принимать решения и действовать – всё это будет как у взрослого человека. Я доказал это, изучая поведение животных, а с недавнего времени получил возможность опробовать метод на... э-э... – ученый запнулся, подыскивая слово, – объ-

ектах из Дахау. Жаль, что среди них не было детей, только два подростка. У вас же здесь очень благоприятный материал. Мы можем сразу от стадии эксперимента перейти к...

– Вы сказали, внешне воспитанница остаётся ребёнком, а сила мышц, выносливость? Способность переносить физические нагрузки?

– С определёнными ограничениями, конечно. Всё-таки восьмилетняя девочка не справится с взрослым мужчиной в драке. Или, например, при беге на длинные дистанции. Однако здесь многое поддаётся тренировкам, та же выносливость. Работа большинства внутренних органов будет на уровне взрослого человека.

– Большинство, но не всех? – вновь уточнил Нойер.

– Да, увы, кое-что теряется. Снижается, к примеру, выработка половых гормонов. Эта функция необратимо угнетается. У вас ведь девочки? Увы, им никогда не познать счастья материнства, да и лунный цикл грубо нарушится...

– Это что касается материнства, а вообще возможно, чтобы по прошествии определённого времени девочки смогли вернуться к нормальному развитию?

– К сожалению, нет. – По лицу профессора было совершенно не заметно, чтобы он действительно сочувствовал будущим диверсанткам. Похоже, дальнейшая судьба подопытного материала его абсолютно не волновала. – Они вынуждены будут прожить всю жизнь в теле ребёнка. Так и состарятся.

– Трудно представить, – задумчиво проговорил Нойер, – старушку в облике восьмилетней девочки.

– Я тоже не могу себе такого вообразить, – усмехнулся учёный. – Впрочем, вы готовите воспитанниц к такому роду деятельности, что, возможно, им и не суждено дожить до преклонных лет.

– Тут вы правы, – согласился директор. – Вы дали название своему проекту?

– Особенно не выдумывал. Latenz – задержка, отсюда «Программа Л».

– Отлично, герр профессор. Сейчас вас проводят в апартаменты. Мы подготовили комнату, там вам будет удобно. Сегодня отдыхайте, а мне необходимо подумать.

И матёрому разведчику порой нужна пауза, слишком неожиданной оказалась информация. Лишь осмыслив услышанное, покрутив объяснения профессора со всех сторон, Нойер понял, какое полезное для его дела открытие совершил учёный. Мысль использовать детей в качестве диверсантов приходила в голову создателям школ и центров подготовки и раньше. При виде потерянного, несчастного ребёнка взрослый человек скорее испытывает жалость, сочувствие и стремление помочь, чем желание учинить проверку. Дети вызывают меньше подозрений и порой могут пройти туда, куда взрослого не пустят. Потом, война – это всегда разрушения, пожарища, покинутые города, а значит, толпы беженцев, перемещение больших масс людей. Ребёнку легко затеряться в таком коловращении, пройти через систему охраны и поиска вражеских лазутчиков.

Но есть в этих рассуждениях и свои минусы. Например, детская психика слишком ненадёжна. Дети пугливы, внушаемы, доверяют взрослым, и не только тем, которые их послали, но и тем, которые встречаются. Бросить порученное дело и потянуться к другому, более надёжному и сильному на их взгляд взрослому человеку, для них не сложно.

Совсем другое дело, если под внешностью ребёнка скрывается восемнадцатилетний боец с крепкой психикой, морально устойчивый, воспитанный в духе беззаветной преданности нацистской идее. Такой диверсант не сдастся врагу, будет сражаться до конца. Он способен на самостоятельные действия, при необходимости может легко поменять легенду, подстроиться под конкретную обстановку. У девочек, понятно, не будет той силы, что у взрослых мужчин, и той выносливости, зато будут гибкость и пластичность, свойственные юным гимнасткам. Господину Ло того и надо, не на силу он ставку делает, а на ловкость и знание особых точек на теле человека. Нажми на такую без усилия, но правильно, и остановится жизнь.

А ребёнка очень многие подпускают к себе вплотную. Не чувствуя опасности – очень многие...

1934 год. Вевельсбург – Кнохенхюте, Германия

Июнь тридцать четвёртого года выдался на удивление засушливым и жарким. Но здесь, за метровыми стенами древнего замка Вевельсбург, было прохладно. Карл Мария Вилигут² откинулся в кресле с выведенными на спинке сдвоенными рунами «Зиг», эмблемой «чёрного ордена» СС и знаком Победы. Он сам третьего дня предложил Манфреду фон Кнобельсдорфу³, главному устроителю всяческих ритуалов и празднеств в замке, не стесняться с символикой и атрибутикой. И тому, и другому Карл Мария придавал огромное значение.

Впрочем, ещё большее значение он придавал своим видениям. Верить ли им, а если верить, то безоговорочно ли? На эти вопросы ответов не находилось, а поиск довёл однажды до психиатрической лечебницы. В Зальцбурге, в двадцать четвёртом году он провёл в скорбном доме долгих три года. Тот период жизни Карл Мария вспоминать не любил, и не хотел, чтобы об этом узнали окружающие. В первую очередь – Гиммлер, на него Вилигут делал особую ставку.

В то же время, было нечто нечеловеческое в этих картинках сражающихся воинов, нисходящих с небес божеств, столба Ирминсула – оси мира. Воины выступали в кожаных доспехах, с палицами и мечами в руках. Бились неистово, проливая реки крови, не щадя ни врагов, ни себя. Виделось всё так отчётливо, будто происходило рядом – лишь руку протяни. Слышались их крики и стоны, звон оружия, пахло свежей кровью и потом, мочой и блевотиной. В душе поселялся ужас, казалось, сейчас на голову опустится топор! Или стрела пронзит грудь...

Божества выглядели более похожими на воинов, чем на святых, и совершенно не походили на образы, которые рисовались при прочтении Эдды. Ничего красивого, лубочного, возвышенного. Такие же звероподобные рожи, гортанные крики, кривые персты, указующие прямо на него. Сейчас эти призывы услышат те, кто остервенело рубят друг друга, и все повернутся разом к нему. Направят оружие на его беззащитное тело: «Вот он, единственный и самый главный враг!»

Так казалось...

Валькирии – кровожадные, хищные твари, летящие на кровавый дух, словно голодные волчицы на запах съестного. Ничего прекрасного, никаких золотых кудрей и крылатых шлемов! Чёрные рваные плащи, из которых тянутся костлявые пальцы, жаждущие вцепиться в изрубленную плоть, редкие пегие пряди на сморщенных черепах. Безумные глаза и распяленные в сатанинском хохоте тонкогубые рты.

Жадные рты...

А вдали – ось мира Ирминсул. Выглядит, будто замёрзшая молния, однажды ударившая с небес, да так и застывшая навеки. Как это корявое образование может быть осью чего-либо?! Тем более – мира?..

И всё же, он очень дорожил своими видениями. В том, что это родовая память, не сомневался, да и не давали усомниться. Гиммлер, Кнобельсдорф, Дарре – все в один голос пели на ухо, как дорожат они наследием предков, не описанным ни в одном памятнике старины. Их в те времена попросту не было – ни летописей, ни грамот, ни манускриптов. Сколь важна – просто бесценна! – информация, струящаяся через него к истинным адептам древнегерманской традиции! Приходилось смягчать, покрывать героическим флером картины доисторических побоищ, приводить к более знакомым и понятным образам из той же Эдды или «Песни о Нибелунгах». Но это не всегда удавалось, и бывало, у рейхсфюрера от сказанного струился по высокому лбу горячий пот, а старину Манфреда, и так-то склонного к неумеренным восторгам

² – К. М. Вилигут – немецкий оккультист и бригадфюрер СС, заметно повлиявший на мистические воззрения Третьего рейха.

³ – Манфред фон Кнобельсдорф – комендант замка Вевельсбург, главной оккультной цитадели СС, оберштурмбанфюрер СС.

по поводу всего «ирминического», трясло от возбуждения, и провидец опасался – ни хватила бы беднягу кондрашка...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.